

**ГЕОРГИЙ
САВИЦКИЙ**

**ГНЕВ
НОВОРОССИИ**

Враг у ворот. Фантастика ближнего боя

Георгий Савицкий

Гнев Новороссии

«Яуза»

2014

Савицкий Г. В.

Гнев Новороссии / Г. В. Савицкий — «Яуза», 2014 — (Враг у ворот. Фантастика ближнего боя)

Близкое будущее. Начатая киевской хунтой гражданская война стремительно захлестывает Украину. По всей стране беспредельничают банды «правосеков», расстреливая мирных жителей просто за косо́й взгляд. После нападения одной из шак на Запорожскую АЭС Россия принимает решение о вводе на Юго-Восток миротворцев... Русские десантники против свидомых карателей. Регулярная армия Новороссии против «нацгвардии». Воздушный десант в Днепропетровск для захвата военных преступников. Не брат ты мне, сволочь бандеровская!

© Савицкий Г. В., 2014

© Яуза, 2014

Содержание

Пролог	5
Глава 1. «Бой гремел в окрестностях Славянска»...	6
Глава 2. «Хитрый, как змей, и выпить не дурак!»	11
Глава 3. «Три дня морем, два дня полем!»	15
Глава 4. Донецкая трагедия	22
Глава 5. «Чапай»	29
Глава 6. Руски и срби браћа заувек!	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Георгий Савицкий

Гнев Новороссии

Посвящается всем медицинским специалистам – участникам локальных конфликтов. И в особенности – персоналу Первого добровольческого медицинского отряда Донецкой Народной республики.

...Русские идут, и зажигаются огни. Русские идут напомнить русским, кто они. Русские идут разврат с насильем запрещать. Русские идут не только русских защищать...

Жанна Бичевская

Пролог

На окраине Славянска ветер разносил запах гари. Недавно прошел минометный обстрел, несколько оперенных «болванок» попало в жилые дома. Жильцы не пострадали – успели спрятаться в погребах. Налеты авиации, каждодневная артиллерийская канонада, ревущие бронетранспортеры под сине-желтыми флагами, поливающие огнем крупнокалиберных пулеметов все без разбору, «Крокодилы» с трезубцами на бортах – такая «пропаганда» фашистской киевской власти была понятна всем. Даже украинским военным, которые стали заложниками воинского долга на необъявленной войне против собственного народа...

Глубокая траншея была полна трупами. Возле нее стояла расстрельная команда в черной амуниции без знаков различия. А мишенями были украинские военные. Солдаты стояли босиком, «черные» из расстрельной команды были весьма рациональны: обувь еще могла пригодиться. Избитые, в рваном камуфляже с запятнанными собственной кровью желто-синими эмблемами, они смотрели на палачей исподлобья. Пощады не просили, знали – ее не будет.

– Готуйся! – лязгнули затворы автоматов.

– Вогонь! – длинные очереди скосили тех, кто присягал на верность народу Украины.

– Слава нації – смерть врагам!

Тех, кто подавал признаки жизни, добивали одиночными выстрелами. Тела сбросили в яму, бульдозер широким лезвием отвала сдвинул рыжую глину, небрежно присыпав место массовой казни.

Командир расстрельной команды поправил черную форменную кепку и поставил на карте условный значок.

Еще одно «свидетельство зверств российских оккупантов» было готово. Когда будет необходимо, «независимая демократическая пресса» поднимет вопли по поводу «военных преступлений кровавого режима Путина»! И это послужит поводом... К чему? Командир палачей в черной униформе без знаков различия такими вопросами не задавался.

Глава 1. «Бой гремел в окрестностях Славянска»...

Блокпост был не слишком большим, находился на второстепенном направлении – и именно поэтому привлек внимание боевиков «Правого сектора». Эти ублюдки вместе с не менее «легендарной» Нацгвардией Украины топтались под Славянском вот уже несколько месяцев, но захватить городок с населением менее ста двадцати тысяч человек – не смогли. Не помогла даже массированная атака с воздуха. Около двадцати боевых вертолетов «Ми-24» авиации Сухопутных сил Украины атаковали мятежный город, и «Триста стрелковцев» за одно утро сбили сразу трех «желто-блакитных» «Крокодилов»! И подбили еще один транспортно-боевой «Ми-8».

«Татку, а крокодили літають? Так, синку, але низенько-низенько»...¹

Бойцы «Стрелка» в отношении трофеев действовали по известному украинскому принципу: «что не съем, то понадкусываю!» Они сначала пытались захватить бронетехнику украинской армии, и только если не было такой возможности – подбивали ее. «Разжившись» пятью боевыми машинами десанта и одной 120-миллиметровой самоходкой «Нона-С», защитники Славянска не собирались останавливаться на достигнутом. Вскоре у них появилось четыре танка Т-64Б, две БМП-2 и еще пара бронетранспортеров. Всю эту технику бойцы Народной самообороны Донбасса «отжали» у украинской армии и Нацгвардии.

Пополнилась и артиллерия: украинские вояки, погнав под огонь, бросили 152-миллиметровую гаубицу, а несколько ранее «подарили» четыре 120-миллиметровых миномета. Это – не считая полутора десятков минометов калибра 82 миллиметра. Но «венцом» стал добровольно-принудительный «подарок» двух реактивных установок залпового огня «Град».

Так что теперь и подавно ни украинская армия, ни «правосеки» в Славянск старались не соваться. Так, постреливали по окрестностям...

А вот пригороды и близлежащие села стали мишенями для внезапных атак карательных групп. Местные жители стали фактически заложниками на своей земле перед хорошо подготовленными и вооруженными бандитами батальонов «Днепр» и «Донбасс», сформированных из наиболее «отморозженных» активистов «Правого сектора».

Блокпосты на въездах в села прикрывали обычно ополченцы из местных. Из оружия – два-три «калаша», охотничьи ружья да обрезы. И это – в лучшем случае. В самом Славянске постоянно дежурили мобильные боевые группы, которые выезжали в случае опасности. Но и они не всегда успевали вовремя.

* * *

Блокпост, стоявший и на окраине села Маяки, что к северо-востоку от Славянска, был чуть более основательно укрепленным, чем обычные баррикады. Организовали его на въезде, у поклонного креста, который установили казаки. А теперь возле памятного знака были устроены завалы из автомобильных покрышек и мешков с песком. На другой стороне дороги громоздился приземистый ДОТ² из бетонных блоков, из узких бойниц на дорогу недружелюбно глядел ствол пулемета Калашникова. Оружия в селе, в общем-то, хватало – об этом позаботились местные казаки. Легкий ветерок развевал флаги Донецкой Народной Республики и России, полковое казацкое знамя Всевеликого Войска Донского.

¹ «Папа, а крокодили летают? Да, сынок, но только низко-низко» (укр.).

² ДОТ – долговременная огневая точка.

Село Маяки очень древнее, оно ведет свою историю со времен Ивана Грозного. Раньше оно было казачьей крепостью и поселением, теперь пришло время вспоминать славное прошлое. Небольшим сельским гарнизоном командовал тоже казак, войсковой старшина Роман Шимширт.

Ближе к вечеру он приехал на блокпост, проверить, как тут несут службу его казаки и местные ополченцы. Проверив посты, Роман Шимширт остановился у поклонного креста, дальше в низинке под зеленой сенью садов уютно устроились беленые домики. Слышалось мычание коров. Пастухи гнали стадо с пастбища.

На окраине села располагался современный молокоперерабатывающий комплекс и колбасный цех. Со стороны машинно-тракторной станции раздавалось тарахтенье двигателей.

Все шло ни шатко ни валко – проблем хватало. Но люди привыкли к такому бесхитрому быту, плавному и предсказуемому течению жизни...

Но с Запада, как и более полувека назад, пришли оккупанты. Под лозунгами «восстановления законности» они обстреливали Славянск и окрестности из тяжелых минометов, высылали карательные отряды, расстреливали мирных жителей...

Пришлось казакам и ополченцам, тем, кто умел держать в руках оружие, снова встать на защиту той самой жизни, что текла ни шатко ни валко. Встал на защиту родной земли и Роман Шимширт, потомственный казак и ветеран спецподразделения МВД Украины «Беркут». За время службы бывало всякое – и штурмы, и захваты особо опасных преступников, и участие в охране общественного порядка на различных массовых мероприятиях. Не зря в «Беркуте» выслуга лет идет год за полтора.

* * *

Атака на блокпост началась после полуночи. На полной скорости подлетело два джипа и грузовик. Каратели намеревались расправиться с «селянами» так же быстро, как и в Былбасовке. Но и тогда, в ночь с 19 на 20 апреля 2014 года, которую впоследствии назвали «Кровавой Пасхой», боевики «Правого сектора» на трех джипах расстреляли из пулеметов людей на блокпосту, у которых были только дубинки. Подоспевшая спецгруппа успела ответным огнем уничтожить двоих нападавших и расстрелять один из джипов. Остальные боевики успели смыться. Чуть позже поймали еще одного «правосека»...

Но теперь все учтено, нападающие имели превосходство в огневой мощи и внезапности.

Как только из-за поворота показались баррикады, в джипах и грузовике залязгали затворы автоматов.

По защитникам баррикад сразу же ударили пулеметы: крупнокалиберный ДШК был установлен в кузове грузовика, а кроме него у карателей было еще четыре пулемета Калашникова! Еще одним преимуществом террористов из «Правого сектора» было использование очков ночного видения украинского производства. Псевдобинокулярные ПНВ³ производства «Фотоприбор» из города Черкассы второго поколения позволяли вести прицельный огонь.

В темноте с шипеньем ударили огненные стрелы ручных гранатометов. Слаженно ударили автоматы нападавших, россыпи трассеров огненными щупальцами пытались найти уязвимую плоть. Вспышки дульного пламени пулеметов рвали черное полотно ночи в клочья.

– Ложись!!! – для четверых селян-ополченцев эта команда запоздала на целую жизнь...

Обстрел продолжался, ночной воздух буквально кипел от раскаленного свинца. Звонко лопнуло несколько взрывов подствольных гранат.

– К бою! Тревога! – и сразу же в ответ трассеры полетели уже в захватчиков. – Осторожней, мужики, в кузове – ДШК!

³ ПНВ – прибор ночного видения.

Роман Шимширт решил переночевать на блокпосту и теперь принял командование обороной. Автомат Калашникова с «подствольником» в его руках зло плевался огнем и свинцом. Казак, прошедший службу в «Беркуте», между автоматными очередями успевал отдавать приказы, изрядно приправляя их ругательствами.

Быстро сориентировавшись, он приказал уцелевшим бойцам отойти под прикрытием баррикады к обочине дороги. Там были вырыты и замаскированы окопы полного профиля. Пока нападавшие «долбали» автомобильные покрышки и мешки с песком, защитники блокпоста, рассредоточившись, вели заградительный огонь.

– По вспышкам бей, мужики! Не давайте им прицелиться!

Со стороны укрепленной огневой точки зло рокотал пулемет Калашникова ополченцев. Трассеры светящимися иглами прошивали ночную мглу. Ответный огонь крупнокалиберного пулемета был страшен. Пули калибра 12,7 миллиметра откалывали от бетонных блоков куски размером с кулак. Мешки с песком, которыми был дополнительно обложен ДОТ, превратились в лохмотья. И все же ополченец-пулеметчик продолжал стрелять, прикрывая своих товарищей.

– Я Роман Шимширт, прием! Блокпост атакован группой карателей! Пока держимся, но мы не знаем, сколько их, – передал по радиации казак.

– Держитесь, мы уже на подходе.

– Понял.

Казак подхватил автомат с «подствольником», дослал реактивную гранату и, уперев в плечо приклад АК-74, нажал на спуск. Реактивная граната ударила по ближайшему джипу нападавших, превратив его в огненный шар, тех, кто прятался за машиной, разметало в разные стороны. По подсвеченным гигантским факелом фигурам прошли из автоматов. Треск автоматных очередей заглушили вопли заживо сгорающих.

– Снайпер, твою мать, «сними» пулеметчика!

– Понял, – сидевший в «зеленке» в метрах двухстах от блокпоста стрелок плавно повел длинным стволом самозарядной винтовки Драгунова.

Светящиеся метки прицела ПСО-1Н перечеркнули фигуру стрелка за пулеметом, освещаемую прерывистыми отблесками дульного пламени. Та-а-ак, теперь чуть в сторону... Палец мягко нажимает на спусковой крючок. «Драгуновка» привычно бьет отдачей в плечо. Гулкий раскатистый хлопок почти не слышен за грохотом боя.

И совсем уже беззвучно лягнул затвор «драгуновки», выбрасывая стреляную гильзу. Крутясь, дымящийся латунный цилиндр длиной пятьдесят четыре миллиметра отлетел в сторону.

А пуля к тому времени уже раскрутилась в нарезках длинного ствола и вспорола тугой, но податливый воздух. Кусочек свинца в томпаковой оболочке с сердечником из закаленной стали, разогнанный до 830 метров в секунду, ударил стрелка за крупнокалиберным пулеметом в левое плечо, пробил спинную пластину бронежилета, прошел сквозь верхнюю часть тела и сломал правую ключицу. Острые отломки кости разорвали подключичную артерию. Пулеметчик ткнулся в ствольную коробку своего ДШК.

– Готов, – констатировал снайпер, спрыгивая с дерева и меняя позицию. Дважды с одного места он старался не стрелять.

Лишившись поддержки «главного калибра», нападающие сразу же «сскисли»: теперь они только лишь отстреливались. Казаки и местные ополченцы сразу же заметили перелом в ночном бою.

– Давай, ребята! Вперед, добьем «правосеков»!

– Отставить!!! – заорал Роман Шимширт. – Никому не высовываться! Иначе всем хана!

Казачий старшина дал длинную очередь и тут же почувствовал тупой удар в грудь. Еще ничего не понимая, он машинально провел рукой по груди: там было мокро и горячо. В глаза казака плеснула ночная тьма...

* * *

В чувство казака привел укол в вену. Дышать было тяжело, но сознание прояснялось. А вместе с ним приходила боль – тупая, ноющая, она пульсировала где-то внутри туго перебинтованной груди.

Роман Шимширт разлепил тяжелые веки и увидел перед собой руки в окровавленных латексных перчатках.

– Пи-и-ить... – выдохнул раненый.

– О, уже пришел в себя, щеки немного порозовели. Ничего страшного, скоро будешь как новенький! Пить я пока тебе не дам, разве что по вене.

Роман скосил глаза и увидел прозрачную трубку капельницы с иголкой, зафиксированной пластырем на сгибе локтя. Он поднял голову и уперся взглядом во внимательные глаза над хирургической маской.

– Все нормально, Оксана, ваш муж уже в порядке. С вашего позволения мы отправим его в госпиталь, и через пару недель казак уже и верхом ездить сможет!

Оксана? И жена здесь?.. Примчалась, наверное, как только узнала, что тут был бой. Сами они жили на окраине Святогорска, а село Маяки аккурат между этими двумя городами, ехать недалеко... Но опасно же, черт возьми!

– Так, давайте его на носилки и в машину! Осторожнее, держи флакон с физраствором повыше... Перекладываем – на раз-два! Под спину ему подложите что-нибудь, чтобы грудь повыше была, – доктор в бронежилете стащил окровавленные перчатки и бросил их в черный мусорный пакет.

Кто-то осторожно приподнял раненого за плечи и подложил что-то мягкое под плечи. Роман Шимширт повернул голову и увидел заплаканное лицо жены.

– Оксаночка, все нормально, доктор ведь тебе уже сказал... – почти беззвучно прошептал раненый казак. – Держитесь вместе с Мишкой. Приеду в госпиталь, дам знать...

* * *

Двое санитаров подняли носилки и аккуратно вдвинули внутрь салона бронированного джипа. У Романа кружилась голова. Но он успел окинуть взглядом место недавнего боя. У посеченного пулями поклонного креста собрались его ополченцы. Дымились воронки, все вокруг было засыпано песком из разорванных мешков развороченной баррикады. Чадным дымом тлели разбросанные вокруг автомобильные покрывала. Чуть в стороне, накрытые белыми простынями с проступившими темными пятнами, лежали тела четверых убитых селян-ополченцев...

На пяточке возле разрушенных баррикад стояли два бронированных джипа СПМ-2 «Тигр» с красными крестами и бронетранспортер под черно-сине-красным флагом Донецкой Народной Республики.

Группа быстрого реагирования прибыла вовремя: ударили с ходу. Бойцы под прикрытием брони и огня крупнокалиберного пулемета Владимирова помогли местным ополченцам отбить нападение на блокпост.

Дальше на дороге были видны следы их «работы»: чернели остовы сгоревшего джипа и расстрелянного грузовика с крупнокалиберным пулеметом. Трупы убитых боевиков в черном камуфляже уже убрали. Удалось захватить и троих раненых... В ответ на просьбы местных жителей отдать их на народный суд автоматчики группы быстрого реагирования только пожимали плечами.

Забрав раненых и пленных, небольшой караван двинулся в обратный путь. Казачий старшина Роман Шимширт оказался самым тяжелораненым, теперь он ехал в головном медицинском «Тигре», пристегнутый широкими эластичными ремнями к ложементу, на котором были установлены носилки.

У изголовья носилок за сиденьем водителя сидел врач. Он ослабил ляжки бронежилета и теперь занимался тем, что накачивал воздух в манжету тонометра. Приложив стетоскоп к сгибу локтя раненого, врач внимательно следил за циферблатом манометра. Показания давления врача, по-видимому, удовлетворили. Он потянулся к капельнице и отрегулировал колесиком-«бегунком» скорость подачи физиологического раствора в вену.

Рядом с носилками сидел стрелок-санитар, откинувшись на подголовник кресла. Автомат с подствольным гранатометом он пристроил в специальном кронштейне на стенке салона. Оружие было всегда под рукой и при этом не мешало при медицинских манипуляциях и не рисковало свалиться в самый неподходящий момент.

Вообще-то машины с красным крестом не нуждались в дополнительном вооружении – оно было даже «противопоказано», поскольку могло спровоцировать ответную агрессию. Однако на войне без правил и моральных норм со стороны фашистской «желто-блакитной» власти красный крест стал целью номер один. В израильской армии «Скорая помощь» вообще базируется на основе тяжелого гусеничного бронетранспортера «Ахзарит». Фактически это был советский танк Т-55 с еще более усиленной броней. На некоторых машинах устанавливалась еще и бронированная рубка вместо демонтированной башни. Если израильская армия заботится о своих раненых, что называется, по высшему разряду, то почему русские не должны поступать так же?

Еще двое легкораненых находилось во втором медицинском джипе. А пленных «правосеков» затолкали в душное нутро десантного отделения БТРа: ничего, потерпят! Пусть будут рады, что селянам их не отдали.

Глава 2. «Хитрый, как змей, и выпить не дурак!»

Именно так расшифровывается эмблема военных медиков: змея, обвившая чашу. Старший лейтенант медицинской службы Константин Новиков так часто любил повторять этот девиз, что и сам скоро заработал прозвище Змей. Сказать, что он с детства стремился стать военврачом, было нельзя. Еще во время срочной службы в мотострелковой бригаде Костя попал на курсы стрелков-санинструкторов. У смышленного солдата бинтовать боевых товарищей получалось весьма неплохо. На Кавказ он не попал, но и так служба по медицинской части преподносила самые разные сюрпризы – от курьезов до трагедий. И, что самое главное, младшему сержанту Новикову военно-полевая медицина нравилась. Бинтовать и накладывать жгуты научился, в медикаментах помаленьку стал разбираться, самую простую диагностику провести мог... Так заинтересовался младший сержант, что за мудреные книжки засел и уже потихоньку начал по-латыни ругаться. Привлекали его звучные названия вроде *Musculus gluteus maximus*⁴ – то, через что в армии большинство работ делается...

Дембельским аккордом для младшего сержанта Новикова стал рапорт о направлении его на учебу в Военно-Медицинскую Академию Санкт-Петербурга. Рапорт завизировал начмед части – тяга солдата к медицине внушала уважение.

Так что отправился младший сержант Константин Новиков потрошить трупы белыми ночами и зубрить латынь с биохимией.

Получив заветный, хоть и не красный диплом, новоиспеченный военно-полевой хирург отправился по распределению в Дагестан. Там пришлось повидать всякого, но все эти перипетии померкли по сравнению с тем, что происходило на Юго-Востоке Украины.

Раздумывал Константин Новиков недолго: рапорт на стол начальству, сборы, и вот уже он прибыл в Севастополь в составе одной из групп добровольцев.

* * *

В городе-герое сейчас было шумно и многолюдно. Ситуация на Донбассе, да и во всей Украине в целом была весьма неоднозначной. Понять, кто прав, а кто виноват, становилось тяжелее с каждым днем. Формально Россия не могла вмешаться во внутреннюю политику другого государства. Но и мириться с геноцидом русских и других здравомыслящих людей, на каком бы они языке ни разговаривали, Россия тоже не могла.

А уж после попытки захвата Ровенской АЭС боевиками «Правого сектора» и глобального ядерного шантажа националистов уже Европа и США взвыли в один голос: «Россия – помоги!» Помогли – теперь все атомные электростанции, включая и Чернобыльскую, были под охраной батальонов русских десантников. Казалось бы – победа! Да не тут-то было...

Но и тут США стали ставить палки в колеса мирному решению украинской проблемы. Русские десантники, находясь на территории Украины и охраняя объекты ядерной энергетической инфраструктуры страны, не имели права покидать тридцатикилометровые зоны вокруг охраняемых объектов! И не дай Бог – вмешаться во «внутренние дела суверенного государства»!

Снова почуяв свободу, подняли головы недобитые бандеровские фашисты, «ультрас» и прочая сволочь. На Донбассе: в Славянске и Краматорске, в Волновахе и Мариуполе, в Луганске и Донецке – продолжались бои с применением бронетехники и артиллерии. Киевская националистическая хунта продолжала давить патриотов Донбасса боевыми вертолетами и обстре-

⁴ Большая ягодичная мышца (лат.).

лами из тяжелых гаубиц и минометов. «Грады» киевские «стратеги» решили, по-видимому, оставить пока в резерве...

И, что самое страшное, на Юго-Востоке Украины – в не признанной киевскими властями Новороссии – продолжали гибнуть люди. От все тех же обстрелов и авианалетов Украинской армии, карательных рейдов Нацгвардии и «Правого сектора», что, в общем-то, одно и то же, от бандитских «разборок». При этом фашисты в Верховной Раде⁵, вопя: «Украина – единая страна!» – фактически отказались от восьми миллионов своих же граждан на Донбассе, де-факто объявив их «сепаратистами».

Твою же мать: опять бардак, похуже, чем в Югославии и в Чечне, вместе взятых! А, главное, называется весь этот кровавый произвол государства победившего фашизма по-западному научно и обтекаемо: «гуманитарный конфликт малой интенсивности».

Но Россия и в этой ситуации не бросала патриотов Донбасса. Через Ростов и Таганрог шли гуманитарные грузы, оружие, боеприпасы, добровольцы. Однако и этого было катастрофически мало.

И тогда кремлевские власти решились на беспрецедентный шаг. Нельзя использовать армию? Но ведь гуманитарную помощь оказывать можно! А для этого есть целое Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. Многие смеялись над оранжевыми беретами и «спецназом МЧС», но, как оказалось, зря! Русские в очередной раз победили своей непредсказуемостью – прав был Отто фон Бисмарк.

В Севастополе в рамках оказания гуманитарной помощи на базе 1472-го Военно-морского клинического госпиталя имени Н. И. Пирогова формировались отдельные медицинские батальоны. В один из них и попал старший лейтенант медицинской службы Новиков.

* * *

В этой, вновь формируемой, части оказались самые разные люди: одни хотели получить звездочку на погон, другие – врачебный опыт, третьи старались всем доказать, что правы только они, четвертые и вовсе рассчитывали нажиться на «гуманитарке». Как говорится – «кому война, а кому – мать родна»! Впрочем, так было всегда, ибо человек за всю свою историю изменился мало. Разве что хвост отпал. Да и то – не у всех.

Константин Новиков ко всему этому относился спокойно: служба в Вооруженных Силах России научила его философскому отношению к жизни. И, тем не менее, несмотря на этот бардак, вскоре старший лейтенант оказался приписанным к 4077-му Отдельному медицинскому батальону. Поскольку он был уже офицером, в графе «назначение» значилось: «командир мобильного медицинского отряда».

Что такое мобильный медотряд, старшему лейтенанту доступно и подробно, с минимумом армейских идиоматических выражений (интеллигентная военная профессия все-таки) объяснил командир медсанбата подполковник медицинской службы Юрий Гаврилович Авраимов.

– Мобильный медотряд, или сокращенно ММО, – это, образно говоря, военная «Скорая помощь». Подразделение в структуре Медицинской службы МО РФ экспериментальное, и предназначено оно для службы как раз в этих самых проклятых «конфликтах малой интенсивности», – пространно, как на лекции, излагал новый командир, отхлебывая из граненого стакана в потемневшем серебряном подстаканнике крепкий чай. – А иначе ведь и не получается. В войну ведь как было? Есть отдельные медроты, есть медсанбаты, эвакогоспитали, клинические госпитали. Линия фронта, тыл и все такое... А сейчас нашим солдатам-миротвор-

⁵ Игра слов: Верховная Рада – Верховный Совет. Зрада – обман, предательство (укр.).

цам в спину стреляют. Убивают заложников. И вообще во всей этой мясорубке под названием «локальный конфликт» нет ни линии фронта, ни тыла, а есть одни лишь пострадавшие. Ими ты и будешь заниматься.

– Товарищ полковник⁶, а как же хирургическая практика?

– О, Костя! Можно вас так называть, молодой человек? Можно, да... Так вот, практики у вас будет – хоть отбавляй! Как сказал еще старик Гиппократ: «Война – самая лучшая школа для хирурга!» Ну, ладно, идите пока, знакомьтесь с коллективом, собирайтесь в дальнюю дорогу... Ну, последнее – это я образно.

Коллектив, кстати, подобрался весьма интересный и неоднозначный. Два капитана – Федор Асмолов и Александр Максименко – производили впечатление клоунов-разгильдяев, попавших в армию исключительно благодаря халатности кадровиков и призывной комиссии. Их объединяло хобби – химия, и это были не просто теоретики, а именно химики-практики. Они постоянно экспериментировали со своей перегонной установкой, создавая невообразимые по вкусу и крепости алкогольные смеси. И охотно дегустировали их, попутно угощая всех желающих. Не обделяли они благосклонным вниманием и прекрасный пол, благо девушек в медсанбате хватало.

– Будешь? – с порога приветствовали они старшего лейтенанта.

– Огнетушитель прилагается?

– О, для начала – неплохо!..

Костя Новиков смело взял наполненный на две трети пластиковый стаканчик. В конце концов, он отучился в знаменитой ВМА имени Кирова, успел послужить на Кавказе... Чем еще в отношении питания его можно было удивить? Хватанул залпом и понял – удивить есть чем! Когда диафрагму и межреберные мышцы перестало сводить судорогами, а глаза наконец-то удалось сфокусировать, старший лейтенант витиевато выматерился, а потом поинтересовался, не будет ли это нарушением субординации. Его похлопали по плечу и предложили ломоть хлеба с тушенкой. Обильная закуска окончательно привела молодой организм в чувство.

– Подполковник сказал, что у вас можно многому поучиться – не знаю как практика, но теория впечатляет!

– Что-то мне подсказывает, что практика нам предстоит немалая, – кивнул капитан Асмолов, специалист по грудной хирургии. В его глазах на секунду промелькнуло непонятное выражение: растерянность пополам с горечью.

– Ладно, не заморачивайтесь, – поднял очередной стаканчик Александр Максименко. – Еще по одной, и пойдем собираться в путь-дорогу.

– Нет, спасибо, пока достаточно, иначе мою печень уже можно будет выставлять в анатомическом театре без консервации в формалине.

* * *

Сборы были недолгими, все необходимое оборудование и снаряжение было уже получено и разложено по полочкам. Удивительно, но и во всем этом «броуновском движении цвета хаки» присутствовала логика! Поскольку миротворческие подразделения направлялись в другую страну, то и от показухи можно было кое-что урвать.

Старший лейтенант Новиков урвал новенький бронезилет с элементами разгрузочной системы. Множество кармашков и подсумков в сочетании с металлокерамическими пластинами и вентилируемым подбоем делали его просто незаменимым для медика.

⁶ В МВД и Армии России принято хорошим тоном всех подполковников в разговорах именовать полковниками. Естественно, не при старших по званию офицерах.

Каптер с хитрым прищуром сообщил, что хорошо знает оружейника и может поспособствовать... Цена договора – пара абдоминальных перевязочных пакетов и пяток обычных, нового образца. Перевязочным материалом медсанбат загрузили, что называется, выше крыши, и не грех было им воспользоваться. Да и взял каптер еще по-божески...

Седоволосый, уже в годах оружейник критически оглядел старшего лейтенанта.

– Каким оружием предпочитаешь пользоваться?

– «Стечкиным», – во время службы на Кавказе молодой офицер привык к этому надежному двадцатизарядному пистолету.

Оружейник одобрительно кивнул:

– Пистолет Ярыгина, конечно, тоже неплох: легкий, довольно точный и скорострельный. Да вот только пока его до ума не шибко-то и довели. Может, со временем, а так – «сыроват» еще. А вот АПС – дело другое. Надежней и эффективней «Стечкина», по-моему, и нет! Тяжеловат, правда, так ведь и ты – не барышня! Автомат какой будешь брать?

Тут старший лейтенант задумался. Он – военврач, а потому обычный «калашников» ему не нужен. Брать что-то специализированное, вроде компактного 9-миллиметрового «Вихря-М» СР-3М, тоже не особенно и хотелось. Автомат, спору нет, всем хорош: мощный, удобный... Да вот только специальные патроны 9Ч39 миллиметров на территории Донбасса не шибко-то и «водятся». А те, что есть, наверняка спецназовцы себе заберут. Остается только старенький АКС-74У, хотя он и не так удобен.

– Слушай, старлей, а возьми-ка ты «Кедр»! – предложил выдавший виды вояка. – Пистолет-пулемет легче, чем автомат, простой и надежный, как «калаш». Очередями шарашит – мама не горюй! Да и патронов 9Ч18 миллиметров ПМ везде – как грязи.

– Заметано! Как раз то, что нужно. Тем более что я – левша.

– А вот тут, браток, не сильно тебе повезло: у «Кедра» затвор – слева.

– Ладно, разберусь.

* * *

– А это наша жрица Морфея! Прошу любить и жаловать – Ирина Митько! – торжественно представил высокую белокурую девушку Федор Асмолов. И в его шутке, как всегда, была только доля шутки.

Очаровательная майор медицинской службы была анестезиологом-реаниматологом и пятым врачом их небольшого медицинского коллектива. Специализация у нее была не самой простой: анестезиолог должен подобрать наркоз в зависимости от типа операции и физиологических особенностей пациента и точно рассчитать дозировку. А потом ведь еще и нужно возвращать прооперированного с другого берега Стикса...

– Не нужно таких церемоний, – невольно засмушалась девушка.

– Будем знакомы, Змей... э-э, то есть старший лейтенант Константин Новиков. Можно просто – Костя.

– Хорошо, просто – Змей!

Глава 3. «Три дня морем, два дня полем!»

Все имущество медсанбата было еще с вечера загружено в бронированные машины. С рассветом колонна выдвинулась своим ходом на погрузку в десантные корабли. Серые громады стояли у причальной стенки, готовые принять на борт людей и технику.

– Повезло нам, на флагмане идем! – с изрядной долей иронии отметил капитан Асмолов. – Ненавижу такие вот «морские прогулки».

Флагманом был новейший, только что вошедший в состав Черноморского флота России десантный вертолетоносец «Севастополь» класса «Мистраль». Два корабля этого проекта Франция построила совместно с Россией, невзирая ни на какие «экономические санкции» со стороны США и их прихлебателей. Работы велись в полном соответствии с международным договором, подписанным Игорем Сечиным и Аленом Жюппе 25 января 2011 года в Сен-Назере.

Десантный вертолетоносец «Севастополь» оснащался полностью русскими системами вооружения. А оно было весьма внушительным: четыре зенитных ракетно-артиллерийских комплекса «Кортик», зенитно-ракетная система С-400Ф «Редут» и авиагруппа из тридцати вертолетов Ка-52К «Аллигатор», «Ка-27М» и «Ка-29». К тому же русские «Мистрали» вооружались еще и универсальным комплексом ракетного тактического оружия «Калибр». Так что «Севастополь» приближался по своим параметрам к легким ракетным крейсерам!

И, что самое главное, «Севастополь» помимо плавучего штаба являлся еще и кораблем-госпиталем. На его борту были оборудованы операционные и палаты интенсивной терапии. Имелись все необходимые медицинские припасы, оборудование, инструменты для проведения хирургических операций разной степени сложности. В госпитальных отсеках развернуто шестьдесят девять коек для перевозки раненых.

Это был первый корабль такого класса за сорок лет новой истории Черноморского флота. Конечно, в составе флота находился еще и плавучий госпиталь «Енисей» проекта 320, но он уже довольно долгое время не покидал причальной стенки.

– Какого черта мы вообще идем морем? Перебросили бы военно-транспортными самолетами или через тот же Чонгар... – пожалала плечами Ирина Митько.

– Я думаю, потому что на море мы обладаем подавляющим преимуществом. А с воздуха нас вполне могут атаковать украинские истребители. Не поймешь, за кого они сейчас, – задумчиво ответил Костя. – Своим ходом тоже нежелательно: нарвемся на засаду «Правого сектора».

– Товарищ генерал Новиков, вам нужно в Генеральном штабе служить, а не у нас! – восхитился Александр Максименко. – Вот уж действительно – Змей.

– Эй, чего расселись! А ну быстро на погрузку! – главврач медсанбата для наглядности пристукнул увесистым кулаком по бронированному борту «Тигра».

Приказ был настолько убедителен, что исполнять его принялись молча. Даже капитан Асмолов не отпустил по такому случаю надлежащей шуточки.

Бронированные грузовики и угловатые джипы с красными крестами заползали по носовой аппарели в стальное нутро «Севастополя». На его танковой палубе длиной 122 метра и шириной 13 метров могут размещаться любые грузы общей массой 1100 тонн. Сейчас там стояли закрепленные стальными тросами автомобили 4077-го медбата и контейнеры с гуманитарной помощью.

Врачи, медсестры и остальной медперсонал разместились в удобных комфортабельных каютах.

Поскольку в море им находиться было недолго, то еще и сверх того нагрузили много всякого добра. В хозяйстве все пригодится. Погрузку закончили за ночь и еще до рассвета отдали швартовы.

Старший лейтенант Новиков поднялся на верхнюю палубу. Светало. Позади остались Михайловский и Константиновский рavelины, прикрывающие вход в бухту. Белоснежные бастионы, ровесники первой героической обороны Севастополя, провожали в ратную дорогу современные боевые корабли. Справа в кильватерном строю шел большой десантный корабль «Николай Фильченков». В его объемистых трюмах находилось около двух тысяч тонн техники и грузов МЧС, необходимых для оказания гуманитарной помощи. Следом за ним шел третий корабль каравана, тоже «десантник» – «Крымский Комсомолец».

Караван прикрывало «каре» из двух малых ракетных кораблей и пары ракетных катеров класса «Молния». Головным в дозоре шел «ветеран» войны в Осетии, малый ракетный корабль «Мираж». Тогда в бою близ побережья Грузии он потопил один ракетный катер ВМС Грузии, а второй – подбил. История повторялась, только теперь уже у берегов Новороссии.

Константин Новиков невольно вжал голову в плечи, когда над ордером кораблей на малой высоте с грохотом прошла пара многоцелевых истребителей «Су-27СМ3», на подвеске отчетливо были видны не только ракеты воздушного боя. Но и пара «сигар» покрупнее – класса «воздух-поверхность». Воздушное прикрытие над кораблями было весьма основательным: с Крыма барражировали истребители-бомбардировщики «Су-24М2» и «Су-34», а из Ростова вылетали многоцелевые машины «Су-27СМ3». Это чтобы у «желто-блакитных соколов» и мысли не было приближаться к русской корабельной группировке.

– Вот как нас берегут! – заметил Новиков.

Подполковник Авраимов был настроен более скептически:

– Это они не нас берегут, а корабль. «Севастополь» только вошел в состав флота, так что за ним, как за малым ребенком, приглядывают.

– Так это вполне нормально, – не стал спорить, тем более – с командиром, старший лейтенант. – Но ведь я сейчас нахожусь на борту этого корабля, и эти самолеты и меня защищают.

Где-то на пределе видимости маячил «незалежный флагман» – фрегат жалких остатков ВМС Украины «Гетман Сагайдачный». У летчиков ВВС России чесались пальцы на гашетках – пустить по нему парочку противокорабельных ракет, что висели под крыльями истребителей-бомбардировщиков «Су-34»! Но «желто-блакитные» особой смелостью не отличались. Они предпочитали бомбить собственных мирных граждан, заранее объявив восемь миллионов жителей Донбасса «сепаратистами». Причем от мала до велика: женщин, стариков, детей, еще не родившихся младенцев.

Ребенок во чреве матери ведь еще не может взять в руки автомат, но он родится и вырастет... В какой Украине он будет жить? Старший лейтенант тяжело вздохнул, такие мысли оптимизма не прибавляли.

К военврачам пришлепал капитан Асмолов, вид у него был, как у утопленника. Перегнувшись через фальшборт, он утробно заурчал.

– Проклятая морская болезнь! Вот веришь, Костян, ничего меня не берет, кроме этой окаянной хвори.

– Крепкого чаю выпей. А то пропустишь все красоты круиза вокруг Крымского полуострова.

– Спасибо, за красотами и прочей романтикой – к нашей Ирочке. Ладно, у меня есть кое-что покрепче... Пойдем в кубрик, пока есть время, нужно не на чаек любоваться, а отсыпаться. Потом некогда будет.

* * *

Караван больших десантных кораблей под конвоем «москитного флота» обогнул Крымский полуостров и вошел в Керченский пролив. Здесь к ним присоединился тральщик «Валентин Пикуль» из состава 184-й бригады кораблей охраны водного района Новороссийской

военно-морской базы. Как известно, мины – оружие бедных, а в мелководном Азовском море их могли накидать десятки, если не сотни с борта любой шаланды.

Азовское море – совсем маленькое, и провести туда целый десантный вертолетоносец было, наверное, не совсем тактически верным решением. Но с другой стороны – города Донбасса бомбила и обстреливала армия «Киевского Рейха». Под видом «Антитеррористической операции» фашистская киевская власть проводила политику «дерусификации» Украины. А вертолетоносец «Севастополь» как раз и проектировался как своеобразный «корабль-миротворец». В плавучем госпитале на его борту могут разместиться раненые и беженцы, из доковой камеры выйдут катера на воздушной подушке с грузом и десантом, а боевые вертолеты охладят пыл любого террориста жарким дыханием высокоточных ракет.

На переходе морем медперсоналу делать было совершенно нечего, врачи под ручку с медсестрами прогуливались по палубе, вызывая неодобрительные взгляды «мореманов». Мало того, что без дела слоняются, да еще и женщины на корабле! Моряки суеверно плевали через левое плечо и вполголоса поминали черта. Между тем «круиз» продолжался.

От безделья в сотый раз проверяли снаряжение, коим так щедро наделила армия своих сынов и дочерей в белых халатах.

– Постарайтесь побольше чего-нибудь стибрить, – подал свежую идею Юрий Гаврилович Авраимов. – Морякам все равно выдадут еще, а нам в хозяйстве пригодится.

– Уже – Хитрый Грек, любимец Аполлона! – отвечивал Федор Асмолов.

В отношениях между врачами главным был профессионализм, а уж потом, где-то в конце – армейская субординация. Вообще-то служители Асклепия в камуфляже не слишком-то и жаловали армейские порядки, наверное, потому, что слишком часто видели их последствия... К тому же Юрий Гаврилович абсолютно соответствовал своему прозвищу и не слишком обижался.

– А где Ирина?

– Жрица Морфея сейчас в его же объятиях... Да спит она.

– А, ясно...

– Ага, и солнечно.

* * *

Война вторглась в их жизнь еще на подходе. За полночь всех на кораблях разбудил близкий грохот взрывов. Корабли уже были на подходе к порту Мариуполь, вдали виднелись огни города и высокие трубы металлургических заводов. И тут по идущему головным тральщику «Валентин Пикуль» с берега ударили пушки! Корабль находился на расстоянии чуть больше морской мили от берега⁷, когда цепочки трассирующих снарядов пронзили черноту южной ночи. Вокруг по бортам поднялись всплески, несколько снарядов разорвалось на палубе, пробоины появились и в надстройке.

Из динамика принудительной трансляции над дверью в каюту раздались прерывистые звуки сирены.

– Боевая тревога! Экипажу занять свои места согласно боевому расписанию! Задрать люки, доложить в отсеках, – вещал громкоговоритель под аккомпанемент топота матросских ботинок по стальным трапам и грохота задраиваемых люков.

– Что случилось? – капитан Максименко поднял от подушки голову, моргая спросонья.

– Боевая тревога, скорее всего, скоро будет нам работа, – Федор Асмолов быстро оделся.

⁷ Морская миля равна 1862 метрам.

Константин Новиков тоже быстро натянул на себя форму. Медики были заперты в относительно небольшом помещении внутри стальной громады десантного корабля и не знали, что происходит. Но понимали – необъявленная война шлет миротворцам свой огненный привет.

Тем временем с берега ударила огненная стрела самонаводящейся ракеты. Переносной противотанковый комплекс может поражать танки на дальностях до двух с половиной километров, так что по кораблю, хоть и небольшому, промахнуться довольно трудно. Взрыв полыхнул на корме, уничтожив шестиствольную тридцатимиллиметровую артустановку. На тральщике начался пожар.

Тут же с идущего рядом «Миража» запустили огненным салютом ложные цели – и вовремя. Вторая противотанковая управляемая ракета сошла с курса. И врезалась в водную гладь, подняв пенный фонтан.

А потом заработала артиллерия малого ракетного корабля – ветерана боя у грузинского побережья! На корме «Миража» располагалась артиллерийская установка АК-176, а над ней линейно-возвышенно размещалась шестиствольная 30-миллиметровая «шинковка». И теперь обе эти артустановки добросовестно перепаживали снарядами землю. На темном фоне огненным ковром расстелились взрывы. С неба спикировал ревуший огненный шар – «летуны» запустили управляемую ракету класса «воздух-поверхность», окончательно превратив эту самую поверхность в выжженную пустыню!

В боевом информационном центре десантного вертолетоносца «Севастополь», который шел мателотом – головным кораблем в строю, контр-адмирал принимал доклады от конвоя и поврежденного «Валентина Пикуля».

Капитан третьего ранга Александр Бойко рапортовал:

– Повреждены кормовая артиллерийская установка и дымовая труба. На корме – пожар. Пробоины в надводной части корпуса и в рубке. Аварийные партии ведут борьбу за живучесть корабля. Погибли рулевой матрос и вахтенный офицер. Ранено семь человек, еще трое – обожжены.

– Кораблям конвоя обеспечить помощь в борьбе за живучесть «Валентина Пикуля», направить дополнительные аварийные партии. Медикам срочно прибыть в боевой информационный центр «Севастополя» для получения дальнейших приказаний.

* * *

Полутемные коридоры, переходы, гулкие стальные перекладки трапов, дыхание сбивается, но им уступают дорогу, подхватывают под руки. И вот врачи в полном составе по стойке «смирно» перед контр-адмиралом.

– Ситуация критическая, на тральщике – убитые и раненые. Нужна ваша помощь.

– Есть!

– Кто пойдет на тральщик? – подполковник Авраимов оглядел своих врачей.

– Разрешите! – сделал шаг вперед Константин Новиков.

– Ишь ты, какой прыткий! – усмехается капитан Асмолов. – Товарищ подполковник, разрешите мне со Змеем, ну со старшим лейтенантом переправиться на тральщик.

– Разрешаю. Остальным вместе с персоналом корабельного госпиталя – готовить операционный блок.

– Есть!

Путь капитана Асмолова и старшего лейтенанта Новикова лежал на корму, в доковую камеру десантного вертолетоносца – и в неизвестность. Оба офицера-медика забрались на борт катера на воздушной подушке. Каждый тащил на себе рюкзак с реанимационным комплектом, в руках легкие складные носилки, через плечо – сумки с фельдшерскими укладками.

За спиной тонко взвыли двигатели, рулевой взял курс на терпящий бедствие тральщик. С борта «Валентина Пикуля» спустили жесткий трап.

– Дорогу дайте, доктора на борту!

Первое впечатление: ни хрена не понятно! Да к тому же еще и темно. На корме все еще видны багровые отблески пожара, из раскрытых люков валит что-то белое – не то дым, не то пар.

– Где раненые? – спрашивает капитан Асмолов.

Константин Новиков на ходу надевает перчатки.

– В носовой части, ближе к рубке.

Старший лейтенант склоняется над ближайшим матросом, светит ему в лицо. Раненый в тяжелом состоянии: грудь пробита, из раны при каждом вздохе с хрипом вырывается воздух, пульс на сонной артерии слабый, замедленный, зрачки уже почти не реагируют на свет. Лицо серое с крупными бисеринами пота.

– У него – шок! Пробита грудная клетка, пневмоторакс, – Николай просовывает ладонь под спину, крови нет, значит, ранение не сквозное.

Молодой военврач делает все автоматически, не раздумывая, как учили. Тут же ладонью закрывает кровоточащее отверстие в груди, достает еще одну латексную перчатку и герметично заклеивает пластырем по краям. Теперь – противошоковое в вену, сосуд на тыльной стороне предплечья он находит на ощупь, но иглой попадает с первого же раза. Кровь в канюле под светом фонаря, что держит над ним матрос, почти черная. Живительный препарат медленно уходит по назначению.

– Так, этого – на носилки и грузить в первую очередь! У него, возможно, осколок в груди!

– Да у него тут металлолома больше, чем кишок! – рядом капитан Асмолов занимался проникающим ранением в брюшную полость. – Перекладывайте на носилки. Осторожно!

Матросы вывели из дыма своего товарища, тот безвольно обвисал у них на руках.

– Что с ним?

– Дыма надыхался...

– Быстро – интубируем и подключаем его к портативному дыхательному аппарату. – Универсальный аппарат для вентиляции, ингаляции или аспирации отличается компактностью, универсальностью и простотой использования. Новиков открыл клапан и отрегулировал подачу кислорода на дыхательном автомате.

Внутривенные уколы, установка капельниц, противошоковая терапия, обработка ран и ожогов... Привычный для военно-полевого врача кровавый конвейер.

Спущенные на воду с кораблей охранения моторные катера и шлюпки перевезли раненых. И за них принялись хирурги в мобильном операционном блоке. К тому времени, как врачи вернулись с подбитого тральщика, Юрий Григорьевич вместе с капитаном Максименко уже успели прооперировать добрую половину пациентов.

В послеоперационной палате интенсивной терапии властвовала «непоколебимая Ирочка», успевая еще и давать раненым наркоз на операцию.

– О, ребята вернулись! А мы вам как раз одного раненого оставили – с проникающим в грудную клетку! Ранение слепое, осколочное, – заявил Хитрый Грек. – Мойтесь, и – в операционную.

Обработав руки первомуром, капитан Асмолов и старший лейтенант Новиков надели хирургические халаты и закрыли лица масками. Держа руки в перчатках перед собой, вошли в операционную.

– Костя, давай делай операцию, а я тебе буду ассистировать, – предложил капитан Асмолов, осмотрев открытое хирургическое поле. – Случай тут несложный, думаю, ты справишься.

Старший лейтенант Новиков только сдержанно кивнул.

– Скальпель.

- Вот.
 - Реберный расширитель.
 - Держи.
 - Я в плевральной полости, легкие, по-видимому, не задеты. Но крови много – это гемоторакс, точнее – пневмогемоторакс.
 - Отсос. Нужно осушить и дренировать рану, – Константин Новиков сосредоточен, для него сейчас весь мир сосредоточился в размерах операционного поля. – Зажим.
- Молодой хирург убирает сгустки крови, подбирается к темному кусочку металла, совсем небольшому и нестрашному... Вскоре осколок звякает о дно подставленной капитаном Асмоловым «почечницы». Новиков очищает и промывает рану, удаляет участки некротизированной отмершей ткани. Ставит дренаж, накладывает швы.
- Антибиотики широкого спектра, плазму внутривенно, капельно, – обратился Костя к медсестре.
- Спасение моряков и операции утомили всех смертельно, еле доползли до коек...

* * *

Ошвартовались в порту Мариуполя около полудня и сразу же принялись за выгрузку. День стоял погожий и солнечный – южное «бабье лето» во всей красе. Ночные тучи ушли, рассеялись с утренним бризом, превратившись в легкую дымку. Из нее проступали высокие заводские трубы. Не верилось, что здесь идет война.

Но пятнисто-зеленая с рыжиной раскраска бронированных джипов и высокозащищенных грузовиков развеивала иллюзии. О войне напоминали пробоины на прокопченном корпусе тральщиков «Валентин Пикуль» и два тела на носилках, укрытые с головой простынями на юте. Их заберут обратно, чтобы предать земле на родине.

- Хорошо, что мы на флагмане, быстрее всех разгрузимся, – заметил капитан Асмолов.
- Это точно, – поддержал его подполковник Авраимов. – А знаешь, я ведь сам родом из этих мест. Тут под Мариуполем есть поселок – Старый Крым называется, вот там я и родился. Предки мои бежали из Крыма из турецкой неволи. Возглавил исход, ну, или эвакуацию, если современным языком говорить, по высочайшему повелению императрицы Екатерины Великой старец Игнатий, впоследствии названный Мариупольским. Он и основал этот город. А войсковое прикрытие обеспечивал граф Александр Суворов.

- Вот как, а я и не знал! – сказал стоявший рядом Константин Новиков.
- Есть многое, друг Змей, что и не снилось нашим мудрецам, – перефразировал слова Шекспира капитан Асмолов.

Рядом на причале мелькали оранжевые береты МЧС, огромные козловые краны выгружали из трюмов припасы. Из открытых кормовых ворот больших десантных кораблей по аппаратам выезжала техника.

- А знаете, как МЧС расшифровывается?
 - Ну, только официально...
 - А неофициально: «Мужики, че случилось?!»
- Офицеры рассмеялись.
- Ладно, пойду инструктировать своих бойцов, – кивнул Костя Новиков.

Под началом старшего лейтенанта были пять человек: фельдшер, два стрелка-санитара и водители двух медицинских джипов СПМ-2 «Тигр». Это и был мобильный медотряд в составе 4077-го отдельного медбата.

* * *

Колонна 4077-го отдельного медбата поднялась вверх по проспекту Нахимова и вырулила на главную улицу Мариуполя – проспект Строителей. Как и предсказывал капитан Асмолов, они действительно выгрузились первыми. И теперь спешили в осажденный, воюющий против «желто-блакитного киевского рейха» Донецк. Бронированные автомобили с красными крестами на бортах свернули на проспект Ильича. Позади остались ряды доменных печей одного из крупнейших в Европе металлургического комбината имени Ильича. А справа по ходу движения за бетонным забором стояли длинные корпуса машиностроительного завода «Азовмаш» – самого большого на Украине.

Колонна бронированных автомобилей с красными крестами под мигалками и с сиренами выскочила на широкую Донецкую трассу. Впереди их ждала осажденная, но не сломленная столица металлургов и шахтеров.

Глава 4. Донецкая трагедия

В Мариуполе мало что напоминало о войне. В основном только опустевшие улицы да несколько сгоревших зданий. А так в городе, который защищали бойцы Народного ополчения Донбасса, продолжалась почти мирная жизнь. Да, постреливали на окраинах и по ночам. Но заводы работали, снабжение шло через порт и через сухопутную границу с Россией.

На шоссе Мариуполь – Донецк медицинской колонне приходилось то и дело сбрасывать газ и объезжать воронки. Под Волновахой, что примерно посередине пути, на обочине дороги стояли черные – сожженные и раскуроченные остовы БМП, сгоревшие дотла бронетранспортеры, грузовики. . . Здесь батальон украинской армии попал в засаду донецких повстанцев.

Чуть дальше, возле Новотроицка, в поле лежали сразу два обгоревших остова вертолета. Видимо, карательным силам Киева приходилось туго, не помогал даже перевес в тяжелом вооружении. Стойкость и отвага повстанцев Донбасса стали самым важным стратегическим резервом. Да еще – помощь добровольцев из соседнего союзного государства.

Движение по шоссе в обе стороны было довольно интенсивным. В основном это были грузовики и трейлеры. «Легковушек» было заметно меньше, но вот рейсовые автобусы ходили практически без изменений.

По пути колонна медбата и гуманитарной помощи миновала несколько блокпостов войск Донецкой Народной Республики. Народ там был самый разный: и неразговорчивые, до зубов вооруженные бойцы с закрытыми масками лицами, и молодежь, и пенсионеры со старыми ружьями.

Константин Новиков прикинул: ехать до Донецка часа два, а за это время можно выспаться. Так что старший лейтенант с легкой душой забрался на носилки и пристегнулся эластичным ремнем, чтоб не грохнуться на ухабе. А младший сержант Евгений Миляев удобно устроился в кресле, поставив автомат в специальный кронштейн на борту машины. Армия в солдате воспитывает три вещи: отвращение к любой физической работе, зверский аппетит и способность мгновенно засыпать в любом месте и в любом положении. Так что почти два часа пути были потрачены с пользой.

* * *

Донецк встретил колонну медбата терриконами и баррикадами. Хмурые бойцы с Георгиевскими ленточками в камуфляже приказали остановиться. Из командирского джипа выбрался подполковник медслужбы Авраимов. Козырнул, представился, доложил цель миссии.

Лицо командира блокпоста посветлело, он махнул рукой бойцу, баюкающему «калашников» с «подствольником». Тот поднял полосатый шлагбаум, снятый, по-видимому, с какого-то железнодорожного переезда. Кстати, шлагбаум был автоматическим, а в нескольких местах старший лейтенант Новиков заметил видеокамеры скрытого наблюдения. Донецкие повстанцы оказались не так просты, как о них говорила западная и в особенности «самая правдивая» украинская пресса.

Бронированные грузовики рыкнули двигателями, выпустили клубы сизого солярочного дыма и медленно двинулись вперед. Пока петляли среди выложенных «елочкой» полосатых блоков, Константин Новиков с интересом осматривал блокпост.

Баррикада из мешков с песком, обломков бетонных столбов и автомобильных покрышек была по верху перевита колючей проволокой. За ней стояли люди с оружием, на камуфляже и бронежилетах яркими пятнами выделялись оранжево-черные Георгиевские ленточки. Маски-«балаклавы» закрывали лицо. Практически у всех были рации. По обе стороны от дороги

стояли серые бетонные коробки защищенных огневых точек, дополнительно обложенные мешками с песком и укрытые маскировочными сетями. Узкие амбразуры пугали чернотой, как пугает зрачок дульного среза автомата.

В прогалине между деревьев Костя успел заметить армейский грузовик «Урал» с двухствольной автоматической пушкой ЗУ-23-2 в кузове. Хотя увидеть всю эту «машинерию» было мудрено: и грузовик, и артустановка были закамуфлированы маскировочными сетями и свежими ветками. И только наметанный глаз мог углядеть в этой мешанине веток и цветковых пятен угрозу. Да и то – лишь с близкого расстояния.

Метрах в двухстах от блокпоста на поле лежал обгоревший остов вертолета. Наверное, эта зенитная установка и «отработала» от души по украинскому «Крокодилу»!

Когда миновали блокпост, впереди колонны с включенными мигалками поехала патрульная машина Госавтоинспекции. Милиция еще с начала восстания в Донбассе и на Луганщине перешла на сторону народа. Да и как могло быть по-другому, если элиту спецназа правопорядка – «Беркут» предали и поставили на колени бандеровские неонацисты?! Теперь донецкий батальон «Беркут» воевал почти в полном составе вместе с Народным ополчением Донбасса.

Кстати, милицейское сопровождение было явно излишним, поскольку движение на улицах города было довольно интенсивным. Поток машин двигался в обе стороны, изредка нетерпеливо гудя клаксонами. Маршрутные автобусы, троллейбусы и трамваи ходили, как обычно.

Константин Новиков с интересом рассматривал улицы и перекрестки города. Вполне современный мегаполис-«миллионник», во многом похож на тот же Воронеж или Ростов. Людей, правда, на улицах было немного, но так день-то будний. Да и на улицу без лишней надобности сейчас старались не выходить.

* * *

Медицинская колонна сразу же направилась в Областную центральную клиническую больницу. Здесь находился Институт неотложной и восстановительной хирургии имени Гусака. Именно ИНВХ стал центром неотложной и военно-полевой хирургии Донецкой Народной Республики. Медицинская и экспериментальная база Института была одной из лучших на Украине, а врачи – просто волшебники! Девиз ИНВХ: «Наукой победим!» Он отражал саму суть благородного труда медиков.

Поскольку неотложная хирургия сродни военно-полевой, то и место базирования русского Отдельного медбата было выбрано соответствующее.

Русских военврачей встретил командир Первого добровольческого медотряда.

– Юрий Юрьевич, – представился он, поблескивая стеклами очков в тонкой оправе. Под расстегнутым белым халатом виднелся легкий черный бронежилет. – Очень приятно, что вы наконец-то прибыли! И большое спасибо вам за гуманитарную помощь. А то Киев нам даже инсулин не присылает для диабетиков!⁸ Мы раньше находились непосредственно в здании областной администрации, а сейчас, когда в этом необходимости уже нет, перебрались сюда. В основном оказываем помощь раненым и проводим эвакуацию совместно с экипажами «Скорой помощи». Раненых и пострадавших с переломами отправляем в Донецкую областную травматологическую больницу, а особо тяжелых – сюда.

– Значит, будем работать вместе.

– Да, это замечательно! К тому же нужно как можно быстрее доставить самые необходимые медикаменты и перевязочные средства в Славянск.

⁸ Это правда. Автор сам однажды разгружал машину с медикаментами из России, которая прорвалась через границу «окольными тропами». В посылках в том числе был и инсулин.

Подполковник Авраимов кивнул Косте Новикову:

– Старший лейтенант, займитесь.

– Есть! Я на своих поеду, Юрий Гаврилыч, вместе с фельдшером и стрелками-санитарами...

– Ну, хорошо, тогда пока чайку с дороги, потом отдохнете маленько...

Внимание старшего лейтенанта Новикова привлек отдаленный грохот, идущий с неба.

– Не беспокойтесь, это украинские самолеты. Они постоянно летают, изредка даже обстреливают с воздуха. Но после того, как мы месяц назад сбили истребитель «МиГ-29» Воздушных сил Украины над Макеевкой, атаковать они не решаются!..

Рассказ командира Добровольческого медицинского отряда прервал звонок мобильного телефона.

– Слушаю... – по мере того как Юрий Юрьевич слушал собеседника, лицо его бледнело. – Только что украинские бомбардировщики нанесли удар по мостам через Кальмиус, в центре Донецка! Несколько бомб попало в жилые дома...

– Боевая тревога! – первым сориентировался подполковник Авраимов. – Костя?

– Понял!

– Бронежилет не забудь!

– Он у меня в машине!..

* * *

Огромный город был до краев залит мириадами огней: ярко переливались рекламы, теплым ровным светом мерцали окна квартир в многоэтажках, нескончаемый поток машин катил по проспектам, освещенным цепочками огней.

После рабочего дня хотелось покоя и тишины, поваляться на диване возле телевизора, обнять жену, послушать самые важные школьные новости дочки-«второклашки», вкусно поужинать...

Все разом обрубил рев и грохот, пришедший с темных небес.

Под крыльями пары бомбардировщиков «Су-24М» из Староконстантинова Хмельницкой области были подвешены полутонные фугасные авиабомбы. По три штуки на двух многозамковых балочных держателях – на обоих самолетах. Конечно, сначала предполагалось использовать управляемые по лазерному лучу ракеты Х-25МЛ. Но для этого нужны не только сами боеприпасы, которые, кстати, сложны и «капризны» в применении. И самое главное – летчики должны были уметь на практике применять «умное» оружие. А опытных и слетанных экипажей в 7-й бригаде тактической авиации в Староконстантинове было – раз-два и обчелся. Да и самолетов – осталось восемь бомбардировщиков «Су-24М» и четыре разведчика «Су-24МР». Так что использовать пришлось «классическую» боевую нагрузку – свободнопадающие фугасные бомбы.

Погода была ясной, и мост, связывающий два берега реки Кальмиус, был ясно виден. С высоты двух тысяч метров он напоминал огненный ручеек между двумя океанами света. Штурман-оператор доложил:

– Бачу ціль, виконую наведення. Лазер увімкнено, є захват цілі.

– Зрозумів, виконую атаку⁹, – пилот нажал на гашетку.

Вслед за ведущим сбросил свои бомбы и ведомый.

Головной бомбардировщик с трезубцем на вертикальном оперении ощутило трянуло, когда все шесть фугасных авиабомб ФАБ-500 сорвались с подвески. Вот так легко, всего лишь

⁹ – Цель вижу, выполняю наведение. Лазер включен, есть захват цели. – Понял, выполняю атаку (укр.).

мягким нажатием на гашетку обрываются десятки и сотни человеческих жизней. И нужно железобетонное, стопроцентное объяснение подобным действиям.

В горах Чечни и Дагестана командование Русской армии с огромной, иногда даже с излишней осторожностью применяло авиацию, в особенности – бомбардировщики и штурмовики. В войне «08.08.08» в Южной Осетии русские летчики-штурмовики сознательно шли на риск и наносили ракетно-бомбовые удары с малых высот. Специально – чтобы свести к минимуму потери среди мирных жителей. При том что летчики 461-го штурмового полка, знаменитые «Волкодавы» – это элита ВВС России!

А киевская фашистская хунта с легкостью использовала авиацию против огромного промышленного города. Они уже заранее списали со счетов восемь миллионов граждан своей же страны, объявив их «сепаратистами» и «террористами». За что? За то, что все эти люди хотели разговаривать на русском языке, праздновать День Победы и уважать память своих дедов, погибших на фронтах Великой Отечественной! Донецк и Луганск вместе с Одессой и Крымом восстали, потому что не хотели поклоняться предателям Бандере и Шухевичу, не хотели возвеличивать кровавые «подвиги» 14-й гренадерской дивизии СС «Галичина» и батальона СС «Нахтигаль»!

«Желто-блакитные» фашисты уже казнили 2 мая 2014 года около двухсот пророссийских активистов.

Бомбовый удар был страшен! С душераздирающим свистом и воем пятисоткилограммовые оперенные болванки понеслись к земле. Взрыв полыхнул на мосту прямо перед троллейбусом. Ударная волна швырнула его в сторону, к ограждению моста, металл разрывался с душераздирающим скрежетом. Оборванные провода хлестнули по корпусу гигантским высоковольтным хлыстом, рассыпая искры. Троллейбус бросило набок, он проломил ограждение и завис, балансируя над водой. Новая череда взрывов сотрясла мост, и троллейбус рухнул с моста в Кальмиус. Городской маршрут № 11 стал билетом в один конец...

Идущая навстречу маршрутка отлетела в сторону, взорвался бензобак, пламя охватило машину. В микроавтобус врезалась не успевшая затормозить «легковушка». «Тойота» перевернулась в воздухе и упала на крышу. Полотно моста содрогалось от новых взрывов, пролет обрушился, унося в темную воду запертых в железных коробках на колесах людей.

Несколько 500-килограммовых фугасных авиабомб ударили с перелетом – по жилым кварталам на площади Конституции. Мощные взрывы вырывали огромные куски из многоэтажных зданий. Шансов спастись у людей практически не было. Грохот и фонтаны пламени, разлетающиеся во все стороны обломки бетона и новые взрывы, но уже от поврежденных газовой магистрали – в этом аду уцелеть было практически невозможно.

Словно перья мифических птиц стимфалид¹⁰ обрушились на жилые дома, померк теплый свет семейного уюта, сменившись чернотой непомерного горя...

* * *

Два бронированных джипа с красными крестами на бортах неслись по вечернему Донецку. Сориентироваться было просто: зарево пожаров и клубы дыма были видны с любой точки города. Водители «тигров» врубили сирены и проблесковые маяки – потому и прибыли на место трагедии одними из первых.

Пожарные в изолирующих противогазах заливали яростное жадное пламя пеной из брандспойтов и водометных пушек. Подъемные краны, бульдозеры и экскаваторы пытались

¹⁰ Стимфалиды – в греческой мифологии, огромные хищные птицы с железными когтями и медными клювами, жившие в густых лесах близ озера Стимфалис в Аркадии. Они были способны метать свои стальные перья. Стимфалид уничтожил Геракл.

расчистить завалы. Люди вручную пытались разобрать мешанину из кусков бетона, арматурных прутьев, бесформенных тлеющих обломков, чтобы добраться к тем, кто еще жив.

Ситуация осложнялась еще и тем, что разрушенный мост через Кальмиус не позволял отправлять раненых напрямик в Донецкую областную клиническую больницу имени М. И. Калинина. А она находилась сразу же – на другом берегу. Как говорится: «Близок локоть, да не укусишь!»

– Развернуть носилки! Приготовить все необходимое для оказания помощи, – приказал старший лейтенант медицинской службы, надевая хирургическую маску и перчатки.

Раненые были в крайне тяжелом состоянии: многочисленные переломы, ожоги, множественные осколочные ранения, в том числе и осколками оконного стекла. Константин Новиков вместе с фельдшером из второй машины и стрелками-санитарами боролся за жизнь пострадавших. Накладывал жгуты, обрабатывал раны и ожоги, бинтовал, делал противошоковые уколы. Стрелки-санитары выполняли сердечно-легочную реанимацию, непрямой массаж сердца – до поломанных ребер, до сведенных судорогой рук.

– Змей, прием, это ЮГ, как слышишь меня? – Юрий Григорьевич Авраимов, выбирая себе позывной, зашифровал в нем свое имя-отчество.

– На связи.

– Мы прямо на площади Ленина. Развернули полевую операционную, так что особо тяжелых – к нам. Будем проводить первичную хирургическую обработку ран и противошоковые мероприятия. Змей, да и сам быстро подъезжайте к нам и мойтесь: все хирурги заняты, ты там тоже нужен. Первую помощь и эвакуацию оставь своему военфельдшеру.

– Понял. Вывожу партию раненых и – к вам.

Пострадавших с ожогами сразу же направляли в Институт неотложной и восстановительной хирургии имени Гусака, там ими занимались специалисты-комбустиологи¹¹.

Старший лейтенант Новиков быстро обработал руки и переоделся в стерильный одноразовый хирургический комплект.

– Сестра, что у нас тут?

– Клапанный пневмоторакс. Пульс нитевидный, артериальное давление падает.

– Дексаметазон – внутривенно четыре «кубика». И держите наготове адреналин, возможна остановка сердца.

Раненый был бледен, зрачки едва реагировали на свет. Клапанный пневмоторакс опасен тем, что с каждым вдохом воздух нагнетается в плевральную полость, а поврежденные ткани выполняют роль своеобразного клапана. При этом повышается внутриплевральное давление, которое поджимает поврежденное легкое и смещает средостение на здоровую сторону.

– Смените флакон с физраствором. Начинаем, нужно обработать рану и выпустить воздух, иначе он умрет. Скальпель, шприц на двадцать «кубиков» с длинной иглой, – старший лейтенант медицинской службы быстро выполнял манипуляции в ране. Он понимал: промедли на секунду, и все – пациента уже не спасти. – Зажим, придержите вот здесь. Хорошо, легкое расправляется. Промываем рану, ушиваю листки плевры.

– Доктор, сердце отказывает.

– Адреналин внутрисердечно, – тонкое длинное жало пронзает миокард, гормон надпочечников поддерживает «мотор», заставляя его биться, хоть и слабо, но ровно, вместо опасного трепетания вразнобой желудочков и предсердий.

– Пульс в пределах нормы, артериальное давление растет.

– Зашиваем. Сестра, проследите за этим пациентом особо. Возможны послеоперационные осложнения.

– Будет сделано.

¹¹ Комбустиология – наука о лечении ожоговой болезни.

– Давайте следующего, – старший лейтенант Новиков отворачивается от операционного стола и меняет перчатки.

Очередной пострадавший был еще тяжелее предыдущего. Операционные медсестры ограничили стерильными простынями и обработали хирургическое поле, подключили пациента к комбинированному модулю обеспечения жизнедеятельности, сменили флакон с физиологическим раствором в «капельнице».

– Каков предварительный диагноз?

– Сочетанное торакоабдоминальное осколочное ранение.

Старший лейтенант Новиков прикинул шансы:

– Эй, я тут один не справлюсь, капитан Асмолов – Федя, поможешь?

– Конечно, Змей, тут работы просто до хрена!

Сложнейшая и ювелирная работа в четыре руки отнимала все силы: физические, интеллектуальные, нервные. И не факт, что прооперированный пациент выживет – слишком уж призрачная надежда. Но русские хирурги и их донецкие коллеги боролись даже за эту призрачную надежду.

* * *

Утро встретило военврачей гарью, серыми клубами дыма. Мост через Кальмиус, связывающий районы Донецка, был разрушен. Развороченные «высотки» почернели от копоти. Машины «Скорой помощи» и обычные микроавтобусы развозили убитых и раненых по больницам. Городской морг в той самой ОЦКБ имени Калинина был переполнен.

Зверство украинских военных потрясло всех. Даже расстрел «КамАЗа», перевозившего раненых после боя 26 мая 2014 в аэропорту Донецка, не шел ни в какое сравнение.

Тогда идущий под флагом медицинской помощи грузовик был расстрелян из ручного гранатомета. Тех, кто выжил, добились из автоматов боевики «Правого сектора». Никто из находившихся в «КамАЗе» не выжил. В расстрелянном «КамАЗе» погибло тридцать пять раненых ополченцев ДНР¹².

Срочно прибывшие из Мариуполя спасатели МЧС России со спецтехникой помогали донецким пожарным вытаскивать из-под завалов чудом уцелевших.

Чуть поодаль, за оцеплением, над неразорвавшейся бомбой «колдовали» взрывотехники МЧС.

Константин Новиков широко зевнул. Пальцы были словно деревянные, в глаза будто битого стекла насыпали, спину ломило. Хирургическая одноразовая роба забрызгана кровью.

Рядом стоял командир Добровольческого медотряда.

– У вас так что – постоянно?

– Почти. Но такое – впервые.

– Пиздец...

– Не то слово...

* * *

Для русских военврачей зарезервировали номера в элитном отеле «Донбасс-Палас». Но измученные бессонной ночью офицеры медицинской службы вряд ли смогли по достоинству оценить роскошное убранство отеля и топ-модельную внешность девушек у стойки администратора.

¹² По сообщению информационного агентства REGNUM со ссылкой на штаб самообороны ДНР.

Константин Новиков принял душ и уснул, даже еще не коснувшись щекой атласной подушки из мягчайшего пуха.

Выспавшись и плотно подкрепившись в ресторане, русские военврачи отправились в ИНВХ. Сегодня, ближе к вечеру, они отправлялись на передовую – в Славянск.

Глава 5. «Чапай»

Предстоял выезд на передовую, и старший лейтенант Новиков озаботился проверкой личного оружия. Автоматический пистолет Стечкина был разобран и тщательно вычищен. Теперь настала очередь заняться пистолетом-пулеметом «Кедр». Оружие это было не менее эффективным, чем АПС, а по огневой мощи даже превосходило знаменитый автоматический пистолет.

Старший лейтенант Новиков аккуратно разобрал и разложил детали пистолета-пулемета на чистом куске камуфлированной ткани. Почистил и смазал оружие. Разборка-сборка занимала немного времени, сам пистолет-пулемет был сработан максимально просто и надежно. Ударно-спусковой механизм был выполнен единым модулем, да и вообще деталей было совсем немного: затвор, возвратный механизм, предохранитель-переводчик огня и крышка ствольной коробки. Сам ствол крепился жестко к ствольной коробке.

Оттянув затвор на левой стороне, Константин Новиков проверил отсутствие патрона в патроннике. Потом выполнил холостой спуск, вставил двадцатизарядный магазин и щелкнул предохранителем.

Штатно пистолет-пулемет «Кедр» комплектуется глушителем звука выстрела и лазерным целеуказателем. Но Костя предпочел установить маленький, но мощный тактический фонарь.

Повозившись, он зацепил ремень пистолета-пулемета за заднюю антабку и надел его через плечо. В таком положении «Кедр» не стеснял движений и всегда был готов к бою.

Единственное, что не нравилось старшему лейтенанту Новикову, – это длинные прямые магазины на тридцать патронов. Они хоть и помещались в стандартные карманы «разгрузки», рассчитанные на «рожки» к автомату Калашникова, но постоянно норовили оттуда выпасть. А сматывать их по два, как делали с теми же магазинами к «калашу», было неудобно. За эти самые прямые магазины Костя обозвал свое оружие «Шмайссером». Но шутки – шутками, а надо было как-то выкручиваться. Сердобольная Ирочка перешла Косте карманы разгрузочной системы, и теперь стало более удобно. К тому же старший лейтенант приспособил на правое бедро патронташ из кордуры защитного цвета еще на три прямых подсумка. Стало совсем хорошо.

Остальные офицеры и медперсонал занимались тем же – проверяли личное оружие и подгоняли снаряжение.

Русский медбат разместился неподалеку от Центральной городской больницы Славянска имени Ленина. Городок были небольшим, укрытым зеленью – это облегчило маскировку палаток, медицинских модулей и бронированных грузовиков «Тайфун-У».

Славянск, несмотря на артобстрелы и атаки украинской армии и боевиков «Правого сектора», имел мужество жить почти обычной жизнью. Даже автобусы и троллейбусы ходили по своим маршрутам. Работали магазины, правда, не все. Прохожих на улицах немного, но ведут люди себя совершенно спокойно. Раньше, до эвакуации, и вовсе гуляли с детьми.

Городской совет Славянска, бывшее управление Службы безопасности Украины, городская милиция превращены в настоящие крепости. Баррикады из бетонных блоков и арок, мешков с песком и автомобильных покрышек, перевитых колючей проволокой, окружали властные здания и перегораживали близлежащие улицы. Сейчас почти каждый дом был превращен в крепость, каждый квартал стал укрепленным районом.

Приготовив «Кедр» к бою, Константин Новиков проверил, удобно ли размещено снаряжение в карманах и подсумках разгрузочной системы бронежилета. Пора было идти на задание.

За окном ощутимо бабахнуло, но старший лейтенант медицинской службы только чертыхнулся вполголоса. Русский медперсонал и местные жители уже привыкли к ежедневным артобстрелам. Для Славянска это было уже вполне рядовое событие. После того как над горой

Карачун сбили «Ми-8» с «обер-палачом» – генерал-майором Нацгвардии Украины Сергеем Кульчицким, украинские военные стали садить из тяжелых 120-миллиметровых минометов почем зря.

Начались тотальные артобстрелы с понедельника, 26 мая 2014 года, когда во время обстрела микрорайона Артема в Славянске боевиками нацгвардии Украины от взрыва мины погибла женщина. Она проходила мимо храма Державной иконы Божией Матери. Мина упала всего в десяти метрах от храма. К счастью, в самой церкви в это время людей не было. Осколками мины были разбиты окна и повреждена одна сторона фасада храма, разрушена церковная ограда¹³.

Также взрывом минометной мины была повреждена многоэтажка в двухстах метрах от храма, погибли два мирных жителя – мужчина и женщина. Об этом сообщил настоятель храма Державной иконы Божией Матери отец Тихон Фоменко.

Такой же зверской тактики придерживались и гитлеровцы во время блокады Ленинграда, они специально стреляли по храмам города, поскольку туда шли, ища спасения, сотни людей, из тех, кто еще мог ходить.

Украинские «горе-вояки» постоянно обстреливали и микрорайон Артема. Видимо, для них было символично уничтожить жилой массив, носящий имя председателя независимой Донецко-Криворожской Республики. Это самый густонаселенный жилой массив Славянска с населением около 40 000 человек.

А храм Державной иконы Божией Матери – центр духовной жизни микрорайона. Его построили всего три года назад жители, своими силами, что называется – «всем миром».

«Просим всех братьев и сестер святых молитв за город и сохранение жизни его жителей!»

Но на защиту славянцев поднялось Святое воинство Христово. В современной войне воины сменили мечи на автоматы Калашникова, но сама сущность духовного и физического борения не изменилась.

Старший лейтенант Новиков, хотя и был крещен, но в бога не верил. Восприятие жизни у него было слишком уж профессионально-медицинским. Но, видя каждодневный подвиг простых людей, он проникался к ним все большим уважением.

Сейчас нужно было срочно выдвигаться на северо-западную окраину города. Судя по всему, под прикрытием артналета украинской армии началась очередная перегруппировка боевиков «Правого сектора».

– Помните, ребята и девчата, бронежилет – это ваша жизнь! – напутствовал медиков Юрий Гаврилович Авраимов.

– Гаврилыч, а на тебя нужен специальный бронежилет: из шкуры с *Musculus gluteus taximus* дракона! Стопроцентная защита! – не выдержал Федор Асмолов.

– Умерь свой скептицизм, Федя, чтобы не пришлось зашивать твою большую ягодичную мышцу!

– Погода плохая: небо пасмурное и дождь срывается... – заметил Костя Новиков.

– Прекрасная погода! – не согласился один из ополченцев. – Значит, украинских вертолетов не будет. Файні українські гелікоптери проти вітру не літають! – Замечательные украинские вертолеты против ветра не летают!

– Я скоро сам стану стопроцентным хохлом! – заметил Александр Максименко.

– Лучше быть хохлом в России, чем «русским сепаратистом» на Украине, – философски заметил Константин Новиков.

– Это точно, Змей, зришь прямо в корень!

– Ладно, хорош разговорчики гонять. По машинам.

¹³ По сообщению сайта Горловской и Славянской епархии.

* * *

Два бронированных джипа «Тигр» мобильного медотряда. Стрелки-санитары достали из специальных креплений пулеметы «Печенег» и поставили на турельных установках верхних люков. Впереди ревел двигателем бронетранспортер: в последнее время у защитников Новороссии появилось много бронетехники и современного вооружения. Откуда? «Добрые люди» помогли, точнее – «вежливые люди»!

Константин Новиков дернул за локоть стрелка – Артема-Одессита. Тот глянул на старшего лейтенанта.

– Тебе чего, командир?

– Отдохни пока, а я проветрюсь, – старший лейтенант застегнул ремешок каски и натянул широкие тактические очки.

Константин Новиков передернул затвор пулемета и упер приклад в плечо. Военврач осматривал окрестности через прорезь прицела. Что ж – таковы превратности войны... Сзади стрелка прикрывала бронированная крышка люка.

Дорога была порядком разбита воронками, на обочине несколько раз попадались остовы разбитых машин. На подъезде к очередному перекрестку из «зеленки» внезапно ударили трассеры. Стрелявших не смутили даже красные кресты на бортах боевых джипов СПМ-2 «Тигр». Пули зашелкали по усиленной броне.

Константин Новиков рывком развернул пулемет и ударил длинными очередями. «Печенег» яростно плевался огнем и раскаленным свинцом, пули буквально выкосили место засады. Со второго «Тигра» тоже ударил пулемет, затыкая глотки осмелившимся стрелять по красному кресту раскаленным свинцом.

– «Водила», жми! Не втягиваемся – проскочим!

Взревев ярославскими турбодизелями, два русских боевых джипа рванулись вперед, выбрасывая фонтаны жидкой грязи из-под колес.

Старший лейтенант Новиков спустился от турели и хлопнул по плечу Артема-Одессита. Тот молча полез к пулемету.

– Я Змей, прием! Атакован на перекрестке неизвестной группой террористов – по красным крестам из пулеметов лупили, суки! Открыли ответный огонь, перекресток проскочили, не втягиваясь, – Новиков доложил о происшествии по радиации и нажал клавишу топологической привязки.

Спутниковая система навигации ГЛОНАСС/NAVSTAR определила текущие координаты мобильного медицинского отряда и передала их в штаб. Можно не сомневаться, что в самое кратчайшее время этот район будет оцеплен славянским спецназом и «зачищен» от террористов. Нелюдей, стреляющих по красному кресту, в плен брать вряд ли будут...

* * *

– Вроде бы как приехали, – два бронированных джипа, скрипнув широкими рубчатými колесами по мокрому гравию, притормозили у очередной баррикады.

К ним подошли трое с автоматами, закутанные в плащ-накидки. Мелькнул острый режущий свет фонарика.

– Русские? Мы вас ждали...

– Старший лейтенант медслужбы Новиков. Прибыли в расположение согласно приказу, – Костя вышел из броневика под мелкий сеющий дождик. Козырнул проверяющим.

– Машины отгоните во двор вот этого дома. Жильцов мы отсюда отселили – от греха подальше, – три кирпичные пятиэтажки образовывали букву «П», таким образом, это место

было относительно защищено от обстрела и с неплохими путями отхода. – А сами, товарищ старший лейтенант, проходите к Чапаю, командиру нашего укрепрайона.

– Почему – Чапай?

– Сами увидите. У него штаб вон в том подвале – по ходу сообщения, направо.

– Понял.

Извилистый ход сообщения привел к еще одной кирпичной пятиэтажке. У входа в подъезд под козырьком дежурил часовой.

– Стоять! Кто такой!

Старший лейтенант Новиков назвал.

– Проходите, по ступенькам вниз.

Над низким потолком был выведенный белыми буквами на красной ткани транспарант: «При входе – разряди оружие!» Константин отстегнул магазин висящего на плече «Кедра».

Штаб располагался в просторном сухом подвале. По всему его протяжению шли трубы теплотрассы и водоснабжения. Помещение было перегородено на две половины. В более просторном отделении отдыхали на матрасах бойцы. Автоматы с отомкнутыми магазинами стояли в пирамиде.

Дальняя половина и была, собственно, штабом.

Здесь властвовал высокий мужчина средних лет в легком «бронике» поверх отглаженного камуфляжа. На бедре, рядом с массивной деревянной кобурой-прикладом «Стечкина», – старый, еще советских времен, офицерский планшет. Каска с камуфлированным матерчатым чехлом зацеплена ремешком за лямку бронежилета. Поблескивали сдвинутые на лоб очки. Несмотря на седину, тронувшую короткий ежик волос и усы, наверное, и давшие звучное прозвище, держался командир прямо. На погонах поблескивали четыре звездочки. Видно, что воинское звание Чапай получил еще в Советской армии.

– Здравия желаю, товарищ капитан!

– Здравия желаю, лейтенант, – кивнул местный командир. – Ординарец, чаю.

– Есть!

– Вот видите, обзавелся ординарцем, теперь помыкаю им. Да присаживайтесь, старший лейтенант. Я-то вообще писатель-фантаст. Но пришлось вспомнить офицерскую юность.

– А о чем пишете?

– Хочется писать о космосе и глобальных проблемах человечества. А получается – о войне и о политике, в особенности – применительно к Украине. Ладно, вернемся к делам более насущным. Где думаете оборудовать медпункт?

– В вашем подвале.

– Разумно. От меня что требуется?

– Выделить четверых санитаров из числа бойцов. Носилки есть?

– И носилки есть, и санитары вам будут – я распоряжусь.

– А ординарца Петька зовут?

– Нет, Васька, – оценил шутку Чапай.

Боец притащил два стакана в потемневших мельхиоровых подстаканниках, бутерброды с колбасой, сахар. Костя с удовольствием глотнул ароматного свежесваренного чая.

– Сейчас распоряжусь доставить вашим бойцам горячую еду и чай в термосах. Если честно, хорошо, что вы прибыли. После полуночи ожидается крупномасштабная атака «правосеков» на наши позиции. Они уже вчера нас атаковали, но то была только разведка боем. А вот сегодня ночью попрут по-настоящему!

– Откуда информация?

– Из надежных источников. Сейчас пройдемся по позициям, проведем рекогносцировку, – Чапай взял висящий на стене укороченный автомат Калашникова, подхватил смотанные изолентой удлиненные магазины на сорок пять патронов.

Вслед за офицерами вышли четверо бойцов личной охраны. Уже на улице все они пристегнули магазины к оружию и синхронно, чтобы по звуку нельзя было определить количество солдат, лязгнули затворами.

Ночная прогулка была весьма познавательной. Баррикады оказались лишь видимой верхушкой айсберга. На самом деле это был небольшой укрепрайон с эшелонированной обороной! На верхних этажах оборудованы пулеметные гнезда и лежки снайперов. На крышах – стрелки с гранатометами и переносными зенитными комплексами. Особо укреплены позиции крупнокалиберных пулеметов на флангах.

Но больше всего Константин Новиков удивился, когда увидел на позициях сразу два пулемета «Максим» с характерным фигурным щитком!

– Вот это да! – совершенно искренне восхитился старлей. – Ну, действительно, чапаевская позиция, только красной конницы не хватает!

– А что? Кстати, вполне эффективный пулемет. Эти «машинки», кстати, нам прислали из захваченного Донецкого управления СБУ. Они там на складе хранились – в масле. Еще несколько образцов взяли в запасниках Донецкого краеведческого музея. Наши местные «умельцы» быстро привели их в боеготовое состояние, а винтовочных патронов у нас хватает! К тому же пулеметы Максима – с водяным охлаждением ствола, а потому и стреляют дольше.

Честно говоря, Костю Новикова поразило такое сочетание старого и нового: пулеметы Максима, которые впервые были применены в битве при Омдурмане в 1898 году, и современные противотанковые комплексы «Фагот» и «Корнет» с управляемыми ракетами, способными поражать цели днем и ночью... Да и сам Чапай являл собой просто клубок противоречий. Кадровый офицер еще Советской армии, ставший известным писателем-фантастом, сражался четверть века спустя за те убеждения, которым оставался верен до конца. Это ли не парадокс?

– У вас тут все оборудовано, как из учебника по тактике, – заметил молодой офицер медицинской службы.

– Да, согласно тактическим наставлениям Советской армии, – не без гордости согласился Чапай.

* * *

«Правосеки» начали раньше. Светящиеся нити трассеров прошли осеннюю морось ночи. Раскатисто грохнул выстрел танковой пушки. И тут же огненный вал раскаленного свинца накрыл позиции защитников Славянска. В конце улицы ревел дизелем танк. Изредка бабахала мощная, 125-миллиметровая пушка. Но снаряды взрывались то с недолетом, то с перелетом. Несколько осколочно-фугасных разворотили полдома, но там ни жильцов, ни бойцов не было. За танком шел гусеничный транспортер МТ-ЛБ с зенитной скорострельной пушкой ЗУ-23-2, поливая баррикады шквалом огня. Еще один бронетранспортер, ведя с ходу огонь из крупнокалиберного КПВТ, наступал с другой стороны.

– В ружье! Боевая тревога!

– Товарищ командир, у них там танк! – в проеме двери показался боец в полной выкладке и с автоматом с «подствольником».

– Твою мать! Всем командирам взводов и отделений – держать сектора обороны! Пойдем, поглядим на это чудо-юдо... – Чапай на ходу зарядил автомат и метнулся по извилистому ходу сообщения. – А я-то думал, почему они артподготовку не проводят?! Оказывается, решили прикрыться тяжелой бронетехникой...

Пригибаясь, старший лейтенант Новиков побежал вслед за командиром укрепрайона, придерживая болтающийся на боку пистолет-пулемет. Над головой свистнули пули, грохнул близкий взрыв, облив бегущих грязью.

Вместе они прибыли на передовой наблюдательный пункт, тщательно замаскированный в развалинах. Командир оглядел местность через массивный бинокль ночного видения.

– Трофейный, – торопливо заметил Чапай. – Современного оборудования катастрофически не хватает: приборов ночного видения, электронно-оптических прицелов к винтовкам, раций...

Капитан Советской армии нажал клавишу радики, закрепленной на левой лямке бронезилета в специальном кармане. – Корнет, прием, жги «коробочку», как понял?!

– ...нял тебя. Работаю.

Корнет был позывным расчета противотанкового переносного ракетного комплекса и одновременно – его названием. Наводчик-оператор прикинул к окуляру тепловизионного прицела, вращая маховички наведения, совместил прицельную марку с силуэтом танка. На зеленоватом поле черная громада танка Т-64БВ виднелась отчетливо. Пуск! Наведение по тончайшей световой игле лазерного луча выполнялось в полуавтоматическом режиме. Вертась, как волчок, ракета «9М133» летела по сходящейся спирали, центром которой был танк Т-64БВ с трезубцем, намалеванным на башне.

Тандемно-кумулятивная боеголовка взорвала лидирующим зарядом «кубики» динамической защиты, а основной кумулятивный заряд разбил ходовую часть, раскучил катки и разорвал гусеницу. Бронепробиваемость лазерно-ориентированной ракеты «9М133» составляет 1300 миллиметров за динамической защитой. Для танка Т-64БВ мощь боеприпаса оказалась явно избыточной, даже несмотря на комбинированную броню. Кумулятивная струя не только пробил корпус, но и выжгла «внутренности» украинского бронированного монстра. Сдетонировала боеукладка автомата заряжания – фонтан ярко-белого пламени сорвал многотонную башню и отшвырнул ее в сторону. Танк с трезубцем на броне превратился в груды оплавленного дымящегося металлолома.

Боевиков «Правого сектора», что прятались за броней, расшвыряло в стороны изломанными куклами.

Танк был уничтожен, а вот гусеничный бронированный тягач со скорострельной пушкой ЗУ-23-2 на крыше боевого отделения продолжал рассыпать раскаленную смерть. Да и 14,5-миллиметровый крупнокалиберный пулемет Владимировича бронетранспортера не молчал.

«Второй номер» противотанкового расчета сбросил отстреленный тубус ракеты и быстро установил на треногу пусковой установки новый транспортно-пусковой контейнер с управляемой ракетой.

С расчетом «Зеушки» на бронированном гусеничном тягаче «разобрался» снайпер ополченцев. Подсвеченная прицельная марка стандартно для снайперской винтовки Драгунова оптики ПСО-1Н легла на цель. Палец плавно обрабатывает спуск... А еще говорят, что СВД устарела! Стрелять надо лучше!

Но боевики украинской «нацгвардии» и «Правого сектора» и после потери бронетехники продолжили атаковать! От взаимной пальбы грохот стоит, как в аду. Где-то справа заработала замаскированная до поры спаренная автоматическая пушка ЗУ-23-2 защитников баррикад – огненные плети 23-миллиметровых снарядов ударили по боевикам «Правого сектора» и прикрывающему их бронетранспортеру.

– Отходим, с минуты на минуту накроют! – Чапай подхватывает укороченный автомат. По пути Константин Новиков прихватывает раненого. У того раздроблена нога.

– Ничего, артерия вроде не задета, – утешает пострадавшего молодой военврач, вкалывая тому промедол прямо через одежду. – Так что ногу, может быть, удастся спасти.

Новиков и сам не поймет, какого черта он выперся вслед за командиром укрепрайона. Ведь его место как военврача – в относительном покое медпункта. Но бой вносит свои коррективы. Старший лейтенант передал раненого на попечение двоих стрелков-санитаров, которые тут же подхватили его под руки.

Рядом громыхнул взрыв, все инстинктивно пригнулись. Над головой взвизгнули осколки. Стоящий рядом боец вдруг рухнул как подкошенный, Константин Новиков только успел заметить, как он схватился за горло. И тут же кинулся к раненому. Совсем хреново дело: крохотный осколок чиркнул по шее, как раз между краем бронежилета и каской. Военврач успел плотно зажать рану, зубами разрывая оболочку перевязочного пакета. Счет шел на секунды: скорость кровотока в восходящей дуге аорты – полметра в секунду, а в сонных артериях – не намного меньше. Солдату несказанно повезло, что буквально на расстоянии вытянутой руки от него оказался врач. Не расправляя бинт, Константин Новиков плотно прижал скатку к ране.

– Жгут, быстро! – военврач накинул эластичную резиновую ленту через плечо раненому, пропустив под мышку с противоположной от ранения стороны.

При таком способе наложения жгута его можно держать довольно длительное время. Гораздо важнее быстро эвакуировать раненого и позволить тому дотянуть до операционного стола. На всякий случай Новиков колет внутривенно противошоковый «коктейль».

– На носилки его и быстро в медпункт!

Константин Новиков позвал военфельдшера из второй машины.

– Дима, срочно эвакуируй этого бойца в наш госпиталь, у него ранение сонной артерии.

Состояние тяжелое, но стабильное, противошоковое я уколол.

– Есть!

Старший лейтенант по рации вызывает госпиталь:

– «ЮГ», прием, это «Змей», как слышишь меня?

– Да, на связи.

– К вам едет тяжелораненый с поврежденной сонной артерией. Готовьте сосудистый инструментарий и шовный материал для вазопластики¹⁴.

– Понял тебя, «Змей», как там у вас, прием?

– Хреново, много тяжелых. Конец связи.

Старший лейтенант Новиков вернулся в медицинский пункт и продолжал оказывать помощь все прибывающему потоку раненых. Оба медицинских «Тигра» еле успевали мотаться туда-сюда, отвозя новые партии пострадавших в военно-полевой госпиталь.

Спустя некоторое время два бойца привели самого Чапая с окровавленной головой.

– Что за хрень?!

– Взрывом отбило кусок бетона, и мне прямо по черепушке, – пояснил бравый командир.

Слава богу, он был в сознании.

– А каска на кой черт?..

– Так она еще раньше с головы слетела...

– Ладно, хоть живой... – старший лейтенант Новиков натянул свежие перчатки взамен окровавленных. – Боец, подвинь рефлектор, будем сейчас командирскую черепушку осматривать.

Рана бравого командира оказалась неопасной: рассечены мягкие ткани, а что крови много, так это нестрашно. Константин Новиков обработал рану антисептиком, наложил несколько швов и поставил дренаж. После наложил стерильную повязку.

– Ну, все, теперь точно – вылитый Чапай! – усмехнулся молодой военврач. – Что там слышно, товарищ капитан?

– Вроде пока тихо, эти сволочи отошли. Мы им танк подбили и бронетранспортер. Еще один БТР заглох, так они его бросили.

– Понятно. Вам бы полежать, товарищ капитан...

– А командовать ты за меня будешь?

¹⁴ Вазопластика – восстановление поврежденных сосудов.

– Нет, я ж не Фурманов¹⁵, – пошутил военврач.

На улице снова загрохотало, судя по звукам, стрелял пулемет и несколько автоматов.

– «Правосеки» обходят с левого фланга!

– Черт, там же самые большие потери! – Чапай подхватил автомат. – Бойцы, за мной!

– Стрелкам-санитарам – охранять медпункт! – отдал приказ старлей Новиков. – Я – на позицию...

Перекинув через плечо сумку с фельдшерской укладкой, офицер медицинской службы поспешил вслед за остальными бойцами. Костя понимал, что в случае стремительной атаки раненых попросту не успеют эвакуировать, а значит, нужно будет оказывать квалифицированную медпомощь на месте. Бежали, пригибаясь, на звук автоматных очередей. Над головой свистнули пули, выбили каменную крошку из стены дома, со звоном разлетелось чудом уцелевшее до того оконное стекло.

– Ложись!

Залегли, выставив стволы. Вроде тихо...

– Вперед! Перебежками – за мной!

Константин Новиков бежал в пульсирующей смертоносными сполохами темноте и боялся только одного – подвернуть ногу. Вот и баррикады. Действительно, бойцов тут было совсем немного. Рядом с пулеметом «максим» в луже крови лежал боец. Еще несколько тел изломанными страшными куклами покоилось поодаль.

– Не стрелять, свои! – на всякий случай скомандовал капитан.

Перешагнув через мертвых, живые заняли оборону. Новиков поднял автомат с «подствольником», отер рукавом липкую кровь со ствольной коробки, отщелкнул полупустой рожок. Кто-то из бойцов сунул ему перемотанную изолентой «спарку» магазинов. Военврач зарядил оружие и тут же открыл огонь. Подсвеченные неясным светом пламени черные фигуры казались чертями из преисподней. Автомат в руках трещал короткими очередями, выпуская на волю свинцовую смерть. Как ни странно, но страха не было – только сосредоточенность на черных силуэтах на кончике мушки.

Где-то за спиной отрывисто и быстро била снайперская винтовка Драгунова. Уж ее-то «голос» ни с чем не спутаешь!..

Костя упер «калашников» крепче в плечо и, на миг высунувшись из-за баррикад, выстрелил из подствольного гранатомета. Отдача ударила довольно ощутимо. Реактивная граната с глухим хлопком улетела по направлению к атаковавшим. Грохот взрыва и приглушенные крики раненых подтвердили попадание.

– Эй, медицина, не высывайся!

Старший лейтенант Новиков перекинул «спарку» магазинов и оглянулся. Советский офицер с перебинтованной головой, склонившись к пулемету-ветерану, лупил длинными очередями. Вспышки дульного пламени озаряют усатое лицо, глаза шуряются, глядя в прорезь высокой прицельной планки. «Максим» грохочет, выкашивая свинцом «правосеков». «Ну, точно – вылитый Чапай из кинофильма!» – подумал Костя, передергивая затвор автомата.

Невольно вспомнилась песня из старого кинофильма «Офицеры»:

*«От героев былых времен
не осталось порой имен.
Те, кто принял трудный бой,
стали просто землей и травой.
Только грозная доблесть их
поселилась в сердцах живых.»*

¹⁵ Дмитрий Андреевич Фурманов – революционер, писатель, автор книги «Чапаев».

*Этот вечный огонь нам завещан и одним.
Мы в груди храним!..»*

Эта память в груди капитана запаса Советской армии и в сердце гораздо более молодого старшего лейтенанта медслужбы Российской армии и в сердцах защитников Славянска заставляла стоять насмерть на огненных баррикадах «донбасского Сталинграда»!

Глава 6. Руски и срби браћа заувек!

Руски и срби браћа заувек!¹⁶

Ту ночную атаку они все же отбили, ценой пятерых убитых и почти втрое большего числа раненых. Но и киевские неонацисты понесли тяжелейшие потери: сожжены танк и бронетранспортер, захвачен бронированный гусеничный тягач с зенитной скорострельной пушкой. Не менее двадцати трупов в черной, похожей на эсэсовскую, униформе валялись в лужах подсохшей крови. Защитники Славянска выстояли и на этот раз.

На прощание старший лейтенант Новиков сфотографировался с перебинтованным Чапаем на фоне пулемета «максим» – фото получилось весьма антуражным.

После неудачного нападения «правосеков» наступило хрупкое затишье, даже «желто-блакитные» каратели на горе Карачун не обстреливали город. Два медицинских джипа «Тигр» вернулись в расположение военно-полевого госпиталя.

Старший лейтенант Новиков сразу же справился о состоянии раненого в шею бойца. Оказалось, что тот уже прооперирован и пришел в себя. Тончайшую операцию по восстановлению поврежденной сонной артерии проводил сам подполковник медицинской службы Авраимов. Глядя на толстые пальцы и волосатые руки военврача, больше похожего телосложением на ярмарочного борца, не верилось, что Юрий Гаврилович выполнял сложнейшие манипуляции сосудистым инструментарием и успешно провел вазопластику.

Что и говорить – талант! При этом еще и помноженный на огромный опыт, начиная с Афганистана.

– Жаль, что я у вас хотя бы «на крючках» не постоял... – с плохо скрываемой завистью сказал Константин Новиков.

– Костя, не льсти старшему по званию, – лукаво улыбнулся Хитрый Грек.

– Да куда уж там...

* * *

Несколько дней старший лейтенант Новиков дежурил как обычный врач-терапевт. И понял, что на передовой – лучше! Думал как – отдохнуть и расслабиться. Не вышло. Только прикорнешь, как в палатке с красным крестом материализуется очередной бравый вояка:

– Доктор, а можно мне что-нибудь от головы? А у меня тут болит, а тут чешется. Ногу натер... Что-то сердце шалит...

Первый грозный вопрос при давлении 180 на 100:

– Сколько не спал?

– Ну, суток двое – трое... Я еще пару банок «энергетика» выпил...

– Ну, и кто тебя умным назовет? Вот тебе тридцать капель «Барбовала» – и на боковую!

Это приказ!

Отдельную категорию пациентов составляли бабушки – «божии одуванчики».

– Ой, сынок, шо-то у меня туточки колет...

При этом подобные пациентки напрочь игнорировали наличие гражданских больниц, а шли именно в военно-полевой госпиталь! Что поделать! – врачи обязаны оказывать помощь всем. Чтобы успокоиться, старший лейтенант медицинской службы шептал клятву Гиппократа:

«Per Apollinem medicum et Aesculapium, Hygiamque et Panaceam juro, deos deasque omnes testes citans, mepte viribus et iudicio meo hos jusjurandum et hanc stipulationem plene praestaturum.»

¹⁶ Русские и сербы братья навек! (сербск.)

*Illum nempe parentum meorum loco habiturum spondeo, qui me artem istam docuit, eique alimenta impertiturum, et quibuscunque opus habuerit, suppeditaturum...*¹⁷

А так в основном – плановые перевязки, наблюдение уже прооперированных пациентов, даже один случай аппендицита оказался! Старший лейтенант Новиков провел аппендэктомия с чувством ностальгии...

После смены свободного времени оставалось достаточно. Неразлучная парочка военно-полевых хирургов, капитаны Асмолов и Максименко всю ухлестывали за медсестричками, причем – за «гражданскими». Старший лейтенант Новиков тоже завел пару интрижек. Действительно, война если и не все списывает, то прощает многое...

В одно такое нудное дежурство, которое уже изрядно поднадоело не только старшему лейтенанту Новикову, но и всем остальным офицерам медслужбы, в русском военно-полевом госпитале появился не совсем обычный пациент.

* * *

Возле баррикад, прикрывающих военно-полевой госпиталь, затормозили два изрядно побитых непосильным трудом на ухабистых дорогах «уазика». На машинах красовались черно-сине-красные флаги ДНР и красные кресты.

– Кто это к нам пожаловал? – молодой боец сдвинул предохранитель укороченного «калашника».

Его напарник, пожилой ополченец с охотничьей двустволкой, подошел ближе. Он держал оружие на сгибе локтя, с открытой казенной частью и вставленными патронами. А теперь выразительно клацнул замками.

Из заднего «уазика» бойцы вытащили раненого с обмотанной кровавыми бинтами головой и в расстегнутом бронежилете. Тот опирался на странного вида винтовку, напоминающую гибрид «драгуновки» и автомата Калашникова. На ствольной коробке, на стандартном кронштейне «ласточкин хвост», как заметил Новиков, стоял оптический прицел. Раненый ругался, но как-то не по-нашему, хотя издали слов было вроде бы и не разобрать.

– Где у вас тут доктор? – крикнул один из бойцов.

– Сюда давайте! – молодой ополченец поставил автомат на предохранитель и указал на завешенные маскировочными сетями палатки с красными крестами.

Навстречу из палатки приемного покоя как раз вышел с пластиковым стаканчиком кофе старший лейтенант Новиков.

– Ну, вот – только решил кофею испить!.. Тащите раненого в палатку, – пластиковый стаканчик полетел в урну, расплескивая недопитое содержимое. – Заводите раненого в палатку, посмотрим, что там с ним.

Пока с пострадавшего стрелка снимали бронежилет, он ругался сквозь зубы на странном языке, похожем на чешский или польский. «Наемник он, что ли?» – подумал старший лейтенант Новиков. В принципе, для врача, пусть и военного, нет правых и виноватых – есть только пациенты.

Раненый стрелок с видимым сожалением расстался со странной винтовкой: передняя ее часть напоминала СВД, а задняя – автомат Калашникова. Оружие человек с перебинтованной

¹⁷ «Клянусь Аполлоном, врачом Асклепием, Гигиеей и Панацеей, всеми богами и богинями, беря их в свидетели, исполнять честно, соответственно моим силам и моему разумению, следующую присягу и письменное обязательство: считать научившего меня врачебному искусству наравне с моими родителями, делиться с ним своими недостатками и в случае надобности помогать ему в его нуждах; его потомство считать своими братьями, и это искусство, если они захотят его изучать, преподавать им безвозмездно и без всякого договора; наставления, устные уроки и всё остальное в учении сообщать своим сыновьям, сыновьям своего учителя и ученикам, связанным обязательством и клятвой по закону медицинскому, но никому другому...» (*лат.*) – начальные слова клятвы Гиппократова.

головой аккуратно прислонил возле кушетки. А рядом положил еще и небольшой, похожий на дрель, пистолет-пулемет. Глянув на эту «дрель», старший лейтенант Новиков стал догадываться, кто перед ним...

Костя размотал повязку на голове, ранения были не такими уж серьезными. С правой стороны была рассечена кожа до кости, но сам череп не поврежден. Также была рассечена бровь. Под бронезилетом раны, как опасался военврач, не оказалось. Только внушительных размеров лиловая гематома и, скорее всего трещина в ребрах.

– Сейчас обработаю раны и отправлю тебя на рентген. Ты, что наемник? По-русски понимаешь?

– Ја нисам плаћеник... Не наемник... – с трудом выговорил раненый. – Ја – српски снајпер.

– Честно говоря, я уже догадался, когда увидел пистолет-пулемет «Скорпион». Как тебя сюда занесло?

– Добровољац, борио сам се на српском рату. Сејчас овде сам у рату против нацистима, – раненый снайпер приумолк, подбирая слова. – Как это по-русски... Доброволец, воевал на сербской войне. Теперь воюю здесь против фашистов.

В принципе, примерно половина сербских слов была понятна, и смысл, хоть и искаженный, доходил до русского офицера.

– Что с тобой случилось?

– А? Прекривен баџачи граната. Балистички прслук спасио... – Из гранатометов «накрыло». Бронезилет спас.

– Ну, хорошо, хоть бронезилет спас... Жить будешь, только на рентген сходить нужно, и, пока ребра заживут, у нас в госпитале побудешь.

Вместе с дежурной медсестрой Константин Новиков зашил рану на голове сербского снайпера и поставил дренаж. Также наложил пару швов на рассеченную бровь и заклеил ее пластырем.

– Хвала, – это слово не нуждалось в переводе. Сербский снайпер-доброволец пожал руку русскому военврачу.

– Да не за что. А как звать-то тебя?

– Јунгле џат, – серб помедлил, подыскивая русские слова, – Камышовый кот.

Старший лейтенант Новиков понимающе усмехнулся, оценив иронию. Камышовый кот – очень злобная, умная и хитрая тварюка. Самец достигает почти метра в длину и весит восемь – двенадцать килограммов. Главная особенность камышовой кота – скрытность, он обитает в густых зарослях тростника и колючих кустарников по низменным берегам рек и озер.

– Ну, хорошо, Камышовый кот, зализывай раны...

* * *

Еще пару дней все было относительно спокойно. С горы Карачун по Славянску изредка бабахали минометы и 152-миллиметровые гаубицы, стороной, чтобы не попасть на прицел зенитчикам ДНР, пролетали украинские «Ми-24» и американские «Ирокезы», поставленные в рамках «гуманитарной помощи США. «Престарелые» ветераны еще Вьетнамской войны летали теперь в небе Донбасса. Вертолеты поставлялись без вооружения и укомплектовывались пулеметами ракетными блоками уже на месте – на Львовском авиаремонтном заводе.

По ночам Нацгвардия головорезов и каратели из «Правого сектора» совершали диверсионные вылазки, но им уже несколько раз довольно круто пообломали рога на трезубцах. До старшего лейтенанта Новикова доходили сведения и об активном участии в противодиверсионных контратаках командира ополченцев Чапая. В полевой госпиталь привезли троих раненых ополченцев ДНР, но их состояние не вызывало опасения у врачей.

В общем-то, текли обычные будние дни «Донбасского Сталинграда».

Беда всегда приходит неожиданно-негаданно, а некоторые мерзости даже по меркам военного времени требуют только одного – мести! Такой трагедией стал расстрел медицинского узика-«таблетки» на дороге между Семеновкой и Славянском. На блокпосту после артналета и последовавшей за ним атаки были ранены два местных ополченца. Каратели из Нацгвардии Украины и из «Правого сектора» до сих пор не могли угомониться. Они все еще пытались прорваться в разрушенное после ожесточенных боев село.

Для карателей из «Правого сектора» и Нацгвардии Украины героическая деревенька Семеновка была лишь только точкой на карте, безликим «населенным пунктом», за взятие которого под контроль террором и кровью следовало отчитаться перед киевскими фашистами. Чтобы те, в свою очередь, отчитались перед звездно-полосатыми фашистами в Вашингтоне.

А вот для тех, кто родился и вырос здесь, кто холил эту землю, собственными руками по весне и осенью собирал с нее достойный труда урожай, это и была Родина. Аккуратные беленые домики, живое золото осенней листвы, дымка над полями поутру... Для тех, кто стоял на блокпостах под флагами мятежной Донецкой Народной Республики, все было просто и понятно.

Но сейчас Семеновка, Черевковка, другие села в пригородах Славянска были превращены бандеровскими карателями в лунный ландшафт. И все равно эти сволочи не могли сломить сопротивления защитников этих сел! Двое из них были ранены и надеялись получить необходимую помощь. А вышло наоборот...

Когда два медицинских джипа СПМ-2 «Тигр» добрались к месту трагедии, все было уже кончено. Старший лейтенант Новиков глядел на изрешеченный микроавтобус с распахнутыми задними дверцами, на неподвижные тела людей и не понимал, как можно было сотворить такое. На белом халате женщины-фельдшера кровь, даже подсохшая, смотрелась особенно контрастно. Она до последнего удара сердца была верна долгу медика и клятве Гиппократата. Она лежала навзничь, раскинув руки, словно пытаясь закрыть собою раненых. Да так оно и было...

Картину трагедии восстановить было несложно. Слева стекло водительской дверцы было разбито пулей. Окровавленная голова немолодого уже водителя покоилась на руле. Костя Новиков знал его немножко: дядя Петя работал на «Скорой» лет тридцать с гаком, любил крепкий табак, брезгливо отрывая фильтры сигарет перед тем, как закурить, и был заядлым домоношником. За это его и гоняли санитарки и медсестры. «Дядя Петя, ты как сядешь «козла» забивать в гараже, так треск стоит, как от ружейной пальбы!» – говорили они.

Тела двоих эвакуированных ополченцев, женщины-фельдшера и водителя, накрыли простынями и загрузили в медицинские броневики. Уже возвращаясь к своему «Тигру», старший лейтенант Новиков приметил одну странность. С левой стороны, со стороны водителя, сразу за кабиной почти в центре красного креста зияла одинокая пулевая пробоина. В принципе, вся «таблетка» была буквально изрешечена, но это попадание выделялось так, будто кто-то намеренно хотел попрактиковаться в точности стрельбы.

Об этом Константин Новиков рассказывал военврачам вечером, после ужина. К ним «на огонек» зашел и снайпер-серб. Он часто приходил вечерами к русским военврачам и слушал их рассказы. О себе же он рассказывал крайне мало, ссылаясь на плохое знание русского языка. Причина была явно надуманной, но на войне старались не лезть человеку в душу – мало ли что... «Заглядывая в бездну, помни, что и бездна заглядывает в тебя», – слова основателя психоанализа Зигмунда Фрейда были сказаны явно не на пустом месте.

История с простреленным красным крестом не просто заинтересовала, а по-настоящему взволновала серба. Отведя старшего лейтенанта в сторонку, он подробно расспросил и об уничтоженном санитарном «узике», и о месте, где произошла трагедия.

– Мулю, покажи мне то место, где заседа!

– Что, прямо сейчас?! Поздно ведь... Давай завтра, рано утром.

– Добро.

Чтобы не привлекать внимания, выехали на выдавшем виды, битом-перебитом командирском «уазике». «Козлик» с заплатами на брезентовом тенте весело скакал по ухабам. Серб молча сидел на правом сиденье, положив на колени компактный пистолет-пулемет «Skorpion Vz.61». На ствол похожего на дрель оружия был навинчен глушитель. Снайпер Камышовый кот был в полной выкладке, на заднем сиденье покоилась до поры его странная снайперская винтовка.

Остановились за поворотом дороги, дальше пошли пешком. Вдвоем они осмотрели то место, где был расстрелян санитарный «уазик», потом углубились в лес. Костя и на свой пистолет-пулемет «Кедр» установил глушитель, но до скрытности Камышового кота ему все же было далеко. Тот двигался, словно действительно принадлежал к семейству кошачьих – практически неслышно стелился над самой землей, и ни одна веточка не треснула под его хищной поступью. Красота и очарование осеннего леса отступали перед настороженностью и закипающему в жилах адреналину. Откинув приклад, старший лейтенант Новиков взял «Кедр» на изготовку, готовый изрешетить любого в считанные секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.